

АНТИЧНЫЙ МІРЪ

ВЪ ПОЭЗІИ ПУШКИНА.

С. Любомудровъ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1899.

Памяти

Льва Ивановича

Поліванова.

Античный міръ въ поэзіи Пушкина.

Пушкинъ эллиновъ стремленье
Къ красотѣ и лицезрѣнью
Ихъ божествъ безъ покрываль.

Полонскій.

То Римъ его зоветъ, то гордый
Иліонъ.

Пушкинъ—о поэтъ.

I.

Когда заходитъ рѣчь о выраженіи идей или образовъ античнаго міра въ произведеніяхъ такихъ великихъ «язычниковъ», какими были Гете, Шиллеръ или Шекспиръ. то подобная тема является весьма благодарной и даже неисчерпаемой: эти поэты, каждый въ своей сферѣ, подарили міръ не однимъ созданіемъ въ духѣ древности, цѣльная и законченная художественная прелесть которыхъ приковываетъ взоръ и плѣняетъ умъ неизъяснимымъ очарованіемъ. Но что особеннаго можно сказать о такъ называемыхъ «антологическихкихъ стихотвореніяхъ» *нашего* Пушкина, когда они въ его сіяющемъ поэтическомъ вѣнцѣ представляютъ лишь рѣдкія, тамъ и сямъ разбросанныя блестящія жемчужины на первый взглядъ не перваго сорта. Вѣдь недаромъ говоритъ въ своихъ «Матеріалахъ» Анненковъ. что антологическія піесы Пушкина (особенно послѣдняго періода) суть не болѣе какъ отрывки, записанные наскоро и безъ особеннаго

вниманія; программы произведеній, но не произведенія: результатъ перваго впечатлѣнія отъ чтенія древнихъ поэтовъ и артистической потребности воспроизвести содержаніе и манеру ихъ*)...

Допустимъ, что это такъ. Тѣмъ не менѣе эти «слѣды древности» въ произведеніяхъ великаго національнаго русскаго поэта давно заслуживали спеціально имъ посвященнаго изслѣдованія, главнымъ образомъ по двумъ причинамъ. Первая причина та, что уже одно уваженіе къ имени Пушкина требуетъ, чтобы ни одна черта, ни одна іота въ его творческой работѣ не оставлена была незамѣченной и неизслѣдованной; вторая—та, что піесы эти, разбросанныя среди другихъ стихотвореній, можетъ быть, и не обращаютъ на себя вниманія, но взятая вмѣстѣ онѣ представляютъ весьма цѣнный и видный вкладъ въ сокровищницу нашей литературы, вкладъ, отмѣченный оригинальнымъ гениемъ поэта, положившимъ на нихъ свою особую «Пушкинскую» печать, которая невѣдома была до него, но которая потомъ не осталась безъ слѣдовъ при дальнѣйшемъ развитіи литературы въ лицѣ ближайшихъ эпигоновъ поэта. Есть, помимо этого, и третье соображеніе, побуждающее заняться произведеніями этого рода: при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что многія изъ нихъ имѣютъ непосредственное отношеніе къ внутреннему міру поэта, высказывая его чувство или настроеніе въ минуту ихъ созданія.

Вообще было бы ошибочно думать, что Пушкинъ былъ совершенно чуждъ знакомства съ древностью, въ школѣ которой, по замѣчанію Бѣлинскаго, воспитались всѣ европейскіе поэты. Если античный міръ не столь ярко и замѣтно выступаетъ въ его произведеніяхъ, то причина не въ незнаніи его и не въ пренебрежительномъ къ нему отношеніи, но во всесвѣтномъ направленіи музы Пушкина, не позволявшей ему останавливаться, сосредото-

---

*) Анненковъ, стр. 344.

чиваться исключительно на одномъ какомъ-нибудь народѣ или одной эпохѣ. но неустанно побуждавшей его пробовать всѣ струны, перебирать мотивы всѣхъ вѣковъ и націй.

Впрочемъ, какъ бы ни была своенравна муза поэта. однако и ей все-таки приходится считаться съ вліяніемъ тѣхъ впечатлѣній, которыми окружено было дѣтство и юность ея избранника. Міръ Божій великъ и необъятенъ; поэтъ орлинымъ окомъ окидываетъ всю красоту и стройность космоса, подмѣчая ее въ самыхъ мелкихъ крупицахъ, въ самыхъ ничтожныхъ, ускользающихъ отъ обыкновенныхъ глазъ явленіяхъ. «На всякій звукъ свой откликъ въ воздухѣ глухомъ родишь ты вдругъ, поэтъ»: но звуки, знакомые съ дѣтства, подслушанные въ колыбели, сильнѣе звучать и отдаются въ ухахъ и настойчивѣе требуютъ поэтического отклика.....

Когда перелистываешь юношескія стихотворенія Пушкина бросается въ глаза обиліе именъ и образовъ, заимствованныхъ изъ древней мифологіи и указывающихъ на короткое знакомство съ послѣдней поэта *): это прямое послѣдствіе его домашняго и школьнаго воспитанія. Можно безъ преувеличенія сказать, что первоначальное литературное развитіе Пушкина протекло подъ сильнымъ воздѣйствіемъ классическаго міра. Зарывшись въ обширную бібліотеку своего отца, девятилѣтній поэтъ прочиталъ сперва всего Плутарха, потомъ Илиаду и Одиссею въ переводѣ Битобе. Правда, среди чтенія другихъ французскихъ писателей это была лишь частичная экскурсія въ область древняго міра, и послѣдній предсталъ передъ нимъ подъ чуждой оболочкой: однако дѣйствіе мощныхъ оригиналовъ должно было сказаться на впечатлительной натурѣ ребенка и при этихъ условіяхъ, тѣмъ болѣе что

---

*) Особенно интересно въ этомъ отношеніи „Ода его сіятельству гр. Хвостову“, къ концу которой Пушкинъ пускаетъ цѣлый каскадъ именъ изъ греческой мифологіи.

Плутархъ и Гомеръ, такъ сказать, коренные писатели древности и притомъ такіе счастливые, что ихъ трудно испортить какимъ-угодно переводомъ. Воздѣйствіе классическаго міра на Пушкина еще усилилось съ поступленіемъ его въ Лицей. Надобно припомнить то обстоятельство, что Пушкинъ поступилъ въ годъ открытія этого аристократическаго заведенія (1811). Тогда на Лицей возлагались самыя радужныя надежды, съ его основаніемъ связывались самыя широкіе планы; ему ставилась задача не болѣе и не менѣе какъ снабжать Россію государственными дѣятелями. Люди, считавшіеся въ педагогическомъ мірѣ лучшими, были приглашены въ число его преподавателей. Молодые, полные силъ и любви къ своему дѣлу, они горячо взялись за преподаваніе. Правда, увлеченія хватило ненадолго, всѣ очень скоро опустились до казеннаго исполненія своихъ обязанностей; тѣмъ не менѣе вліяніе подобныхъ педагоговъ, несмотря на малое прилежаніе ихъ питомцевъ, не могло пройти безслѣдно *).

Особенно сильное вліяніе на воспитанниковъ Лицея имѣлъ профессоръ древнихъ языковъ и русской словесности Н. А. Кошанскій. Это былъ человѣкъ глубоко-образованный и ученый; онъ окончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ на двухъ факультетахъ: философскомъ и юридическомъ; двадцати четырехъ лѣтъ Кошанскій былъ магистромъ и двадцати шести докторомъ философіи. Онъ издавалъ учебники по латинскому языку, писалъ статьи по исторіи античнаго искусства и былъ извѣстенъ стихотворными переводами изъ древнихъ поэтовъ **). Гротъ, одинъ изъ учениковъ Кошанскаго,

---

*) Венкстернъ—А. С. Пушкинъ; стр. 24.

**) Въ 1811 году Кошанскій издалъ „Цвѣты греческой поэзіи“ съ текстомъ, замѣчаніями и переводомъ въ стихахъ; здѣсь между прочимъ были помѣщены произведенія буколиковъ Біона и Мосха, одну изъ идиллій котораго „Земля и море“ впоследствии перевелъ Пушкинъ.

отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ: «Съ много-стороннею классическою образованностью и большою опытностью въ преподаваніи Кошанскій соединялъ необыкновенно тонкій и изящный вкусъ, восторженное поэтическое настроеніе и особенный даръ передавать то и другое своимъ слушателямъ. Лекціи его вполнѣ можно было назвать эстетическими, исполненными занимательности и вкуса» *). Очевидно, Кошанскій любилъ заниматься съ своими воспитанниками; такъ, по свидѣтельству самого Пушкина въ біографіи поэта Дельвига, онъ руководилъ его друга въ занятіяхъ Гораціемъ. Разумѣется, что отъ его внимательнаго взгляда не могъ укрыться и гениальный лицеистъ Пушкинъ: убѣдившись въ поэтическомъ дарованіи своего ученика, Кошанскій съ жаромъ принялся его знакомить съ теоріей словесности и съ классическими произведеніями древности. Но Пушкинъ въ то время мало выказывалъ склонности къ серіознымъ занятіямъ; онъ «читалъ охотно Апулея, а Цицерона не читалъ:» потому и эти уроки не принесли желаннаго плода, но повели, кажется, только къ охлажденію между ученикомъ и учителемъ; по крайней мѣрѣ къ этому періоду относится стихотвореніе на имя Кошанскаго подъ заглавіемъ: «Моему Аристарху» (1815), въ которомъ «молодой лѣнивонецъ» авторъ отрещивается отъ «уроковъ сухой учености» своего ментора и проситъ его. «угрюмаго цензора», оставить въ покоѣ игривыя «бакхическія посланія», набросанныя въ часы вдохновенія въ подражаніе «Шапелю, Лафору, Шолье, Парни» и другимъ корифеямъ тогдашней французской поэзіи. Однако отрицать совершенно вліяніе Кошанскаго на Пушкина было бы очевидной несообразностью: разсѣянный, безпечный, безпечный и лѣнивый, послѣдній, конечно, не могъ быть такимъ послушнымъ и покорнымъ ученикомъ

---

*) Гротъ: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“ стр. 58.

серіознаго классика—педагога, какимъ былъ спокойный, флегматическій Дельвигъ; но уже самый горячій, запальчивый тонъ, который слышится въ стихотвореніи, показываетъ, какъ небезучастно относился юноша—поэтъ къ замѣчаніямъ свсего наставника и какъ больно задѣвали его самолюбіе неодобрительные отзывы послѣдняго. Симпатіи къ античной поэзіи поддерживалъ въ Пушкинѣ и ближайшій другъ его, «Товарищъ юности живой, товарищъ юности унылой», упомянутый выше баронъ Дельвигъ, который, по собственнымъ словамъ Пушкина, «изучивъ Горація въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго, на пятнадцатомъ году уже выступилъ съ подражаніями древнему поэту и выказалъ въ своихъ раннихъ произведеніяхъ необыкновенное чувство гармоніи и классической стройности». Пушкинъ, всегда увлекавшійся и легко поддававшійся вліянію своихъ товарищей, которыхъ у него было немного, но которыхъ онъ любилъ со всѣмъ пыломъ юношеской страсти и привязанности, безспорно, многимъ былъ обязанъ умѣряющему вліянію Дельвига какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи; можетъ быть, какъ разъ юные опыты друга содѣйствовали очищенію его вкуса, привыкшаго къ черезчуръ пряной и пикантной эротической поэзіи французовъ.

Но еще большую роль въ этомъ отношеніи сыгралъ для Пушкина русскій поэтъ—классикъ Батюшковъ. Чрезвычайно вѣрное замѣчаніе по этому поводу находимъ мы у Анненкова: «Нѣкоторыя уже изъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина выступаютъ изъ ряда холодныхъ, внѣшне-эффектныхъ и остроумныхъ произведеній французскихъ писателей — это именно тѣ, гдѣ особенно чувствуется вліяніе Батюшкова, какъ на примѣръ: «Гробъ Анакреона». «Мечтатель», и во всѣхъ элегіяхъ Пушкина; Батюшковъ былъ первымъ учителемъ Пушкина въ тонкомъ эстетическомъ вкусѣ, въ искусствѣ облекать самые смѣлые порывы фантазіи въ граціозные образы и совершенствомъ формы смягчать рѣзкость представленій.

Пушкинъ. судя по юношескимъ. опытамъ, скорѣе ученикъ Батюшкова, нежели Жуковского» *). Это другими словами обозначаетъ то, что Пушкинъ уже въ началѣ своего поэтическаго поприща выступилъ скорѣе какъ поэтъ-классикъ, нежели какъ поэтъ-романтикъ.

Съ нашей современной точки зрѣнія подобное ознакомленіе съ древнимъ міромъ, безъ словаря и грамматики, безъ кропотливаго разбора оригинальнаго текста древнихъ писателей. безъ знанія греческаго языка (латинскій языкъ. какъ увидимъ ниже. Пушкинъ зналъ довольно изрядно) покажется, какъ и весьма естественно, недостаточнымъ и поверхностнымъ: но надо принять во вниманіе тотъ вѣкъ: вѣдь въ то время «Всѣ учились по-немногу, чему-нибудь и какъ-нибудь». Къ тому же въ лицейскомъ воспитаніи, при всѣхъ его недостаткахъ, была одна хорошая черта: оно сумѣло привить своимъ питомцамъ любовь къ чтенію. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ едвали уступалъ кому-нибудь изъ своихъ товарищей: книги съ дѣтства, еще дома, были его лучшіе друзья, онѣ же и въ Лицеѣ занимали его гораздо болѣе уроковъ преподавателей и составляли его главную умственную пищу. Весьма интереснымъ документомъ въ этомъ отношеніи является написанное въ 1814 г. стихотвореніе «Городокъ», представляющее своего рода «литературную исповѣдь» пятнадцатилѣтняго поэта. Надо удивляться, чего только онъ не перечиталъ; и при этомъ невольно бросается въ глаза то обстоятельство, что въ его библіотекѣ весьма видное мѣсто занимаютъ именно древніе писатели:

„На полкѣ за Вольтеромъ
Виргилій, Тассъ съ *Гомеромъ*,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
Въ часъ утренній досуга
Я часто другъ отъ друга

---

*) Стр. 34.

Люблю ихъ отрывать.
 Питомцы юныхъ Грацій—
 Съ Державиннымъ потомъ
 Чувствительный *Горацій*
 Является вдвоемъ“.

Эта любовь къ разностороннему чтенію превратилась у Пушкина въ положительную страсть, по мѣрѣ того какъ онъ сталъ все больше ощущать недостатки и пробѣлы своего «проклятаго» воспитанія и чувствовать необходимость ихъ возмѣщенія. Гдѣ бы онъ ни былъ, на югѣ ли Россіи, на Кавказѣ, въ глуши Псковской губерніи, въ омутѣ великосвѣтской жизни, ни одно сколько-нибудь выдающееся произведеніе отечественной или иностранной словесности не проходило мимо него. Онъ всегда старался не только быть въ курсѣ текущей литературы, но и стоять во главѣ литературнаго движенія своего времени. И съ этой стороны онъ то и дѣло сталкивался съ поэзіей античнаго міра. Эпоха, въ которую жилъ и писалъ Пушкинъ, отмѣчена особымъ оживленіемъ въ области эстетики. Появленіе Байрона, вызвавъ поэтическую революцію въ Европѣ, отразилось въ Россіи ожесточенной борьбой такъ - называемаго классицизма (вѣрнѣе же: псевдоклассицизма) съ романтизмомъ. Эта борьба вызвала критическое отношеніе къ царившей долѣтъ французской школѣ и заставила многихъ серьезныхъ людей обратиться къ изученію истиннаго классицизма, основанному на знакомствѣ съ памятниками древней литературы въ оригиналахъ, а не въ французскихъ подражаніяхъ. Прямымъ слѣдствіемъ этого движенія явились художественные переводы древнихъ авторовъ, эстетическіе комментаріи, журналы по исторіи искусствъ и древней литературѣ. Намъ теперь трудно представить степень того воодушевленія древностью, которое тогда охватило общество. Вотъ нѣкоторые факты въ подтвержденіе этого. Вскорѣ по окончаніи борьбы съ Наполеономъ И. М. Муравьевъ - Апостолъ, переводчикъ Аристо-

фановой комедіи «Облака» и авторъ ученаго «Путешествія въ Тавриду», въ своихъ «Письмахъ къ другу изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ» (1813—1815) доказываетъ ничтожество французской словесности сравнительно съ греко-латинской и требуетъ перемѣны всей учебной системы; въ отвѣтъ ему является Уваровская реформа гимназій (1828), впервые водворяющая у насъ классическое образованіе. Попечитель Московскаго Университета М. Н. Муравьевъ (1757—1807) всячески заботится о введеніи классическаго элемента въ отечественную словесность и поощряетъ другихъ къ такимъ же трудамъ. И вотъ А. Ѳ. Мерзляковъ (1778—1830), профессоръ русской словесности въ томъ же университетѣ, издаетъ «Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ» по всѣмъ тремъ поэтическимъ родамъ: эпическому (изъ Гомера и Виргилія), драматическому (изъ Эсхила, Софокла и Еврипида) и лирическому (изъ Пиндара, Теокрита, Горація, Тибулла, Проперція, Овидія и др.); И. И. Мартыновъ (1771—1833) выпускаетъ XXVI томовъ гигантскаго труда, представляющаго прозаическій переводъ Гомера, Софокла, Пиндара, Анакреона, Каллимаха, Эзопа, Геродота, Лонгина; С. Ю. Дестинусъ (1782—1848) переводитъ Плутарха; С. Е. Райчъ (1792—1855)—Виргилиевы Георгіики; въ 1820 г. выходитъ книга гр. С. С. Уварова «О греческой антологіи» съ образцами переводовъ изъ нея Батюшкова; наконецъ, въ 1828 г. появляется полный переводъ тексаметромъ Иліады—Н. И. Гнѣдича (1784—1833), отзвукомъ котораго послужилъ впоследствии (1842—1849) переводъ Одиссеи Жуковскимъ. Въ числѣ журналовъ начинаютъ появляться такіе, какъ «Dorpatsche Beiträge für Freunde der Philosophie, Litteratur und Kunst» дерптскаго профессора Моргенштерна (1770—1852), «Амалтея» и «Минерва» харьковскаго профессора Кроненберга (1788—1838), которые ставятъ себѣ задачей сближать филологію съ эстетикой. Словомъ, тридцатые

и сороковые годы безъ преувеличенія можно назвать эпохою русскаго гуманизма; если филологическое образованіе и было тогда удѣломъ немногихъ, за то вѣяніе античнаго духа слышалось всюду въ литературѣ и искусствѣ. проникало во всѣ сферы артистической дѣятельности, а когда борьба между классиками и романтиками улеглась и уяснилась сущность и цѣль русской поэзіи, то это направленіе выразилось въ созданіи своего рода культа эллинизма. передъ которымъ преклонялся, на примѣръ. такой критикъ. какъ Бѣлинскій, отождествлявшій понятіе «артистическій» съ понятіемъ «эллинскій» и видѣвшій въ Греціи «міровую студию мірового искусства».

Что Пушкинъ не избѣжалъ общаго увлеченія античнымъ міромъ. доказывается прежде всего многими мѣстами изъ его переписки и мелкихъ замѣтокъ. Хотя онъ, судя по поданной имъ Императору Николаю I въ 1826 г. «Запискѣ о народномъ воспитаніи» и не былъ поклонникомъ классической школы*), считая древніе языки за роскошь, заслоняющую собою болѣе необходимые учебные предметы. однако въ литературѣ все, что касалось древнихъ, останавливало его вниманіе, а выходящее привѣтствовалось съ восторгомъ: такъ, въ декабрѣ 1824 года изъ Михайловскаго онъ пишетъ, что «съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ прочелъ «Путешествіе по Тавридѣ» Муравьева», которое оживило его личныя впечатлѣнія: «Фракіійскія элегіи Теплякова» вызываютъ обстоятельную рецензію въ «Современникѣ» (1836 г.); за переводомъ Гнѣдича Пушкинъ слѣдитъ

---

*) Кажется, говоритъ онъ, что языки слишкомъ много занимаютъ времени. Къ чему, на примѣръ, шестилѣтнее изученіе французскаго языка, когда навѣкъ свѣта и безъ того слишкомъ уже достаточно? Къ чему латинскій или греческій? Позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?

съ нетерпѣніемъ: 13 мая 1822 года онъ пишетъ му изъ Кишинева: «Что дѣлаеть Гомеръ? Давно не читаль я ничего прекраснаго»; его появленіе привѣтствуетъ онъ съ восторгомъ въ «Литературной Газетѣ» (1830), называя трудъ Гнѣдича «совершеніемъ одинаго. высокаго подвига». Онъ благоговѣетъ передъ «великолѣпною, классическою, поэтическою Греціею, гдѣ все дышитъ мифологіей и героизмомъ» (письмо изъ Кишинева Л. С. Пушкину въ августѣ 1822 г.), юношески увлекается греческимъ возстаніемъ (1821), мечтая о возрожденіи страны «героевъ и боговъ»^{*)}. Наконецъ, яркимъ доказательствомъ вліянія античнаго міровоззрѣнія на Пушкина служатъ слѣдующіе стихи его извѣстной піесы (1830), начинающейся словами: «Въ началѣ жизни школу помню я», и по формѣ представляющей подражаніе Данту (терцины):

Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.
Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ молодой—
Былъ гнѣвнъ, полонъ гордости ужасной
И весь дышалъ онъ силою неземной.
Другой, женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеаль,
Волшебный демонъ— лживый, но прекрасный.

Какое бы толкованіе ни придавали этому аллегорическому произведенію, тотъ фактъ, что Пушкинъ не нашель иного средства выразить различные фазисы своего нравственно-поэтического развитія, какъ прибѣгнувъ къ мифологическимъ образамъ Аполлона и Діониса, говоритъ уже самъ за себя, не нуждаясь въ дальнѣйшемъ поясненіи. Такъ можетъ сказать лишь поэтъ, сжившійся съ античною поэзіей и видяшій въ ней первообразъ художественной красоты.

---

^{*)} Ср. стихотвореніе: „Возстанъ, о Греція, возстанъ“.

Влеченіе къ античной поэзіи у Пушкина не ограничивается какимъ-нибудь однимъ періодомъ его дѣятельности, но проходитъ чрезъ всю его жизнь. Его первые бойкіе и блестящіе опыты въ псевдоклассическомъ духѣ относятся къ 1815 году, его послѣднія, дышація истинно «римской силой и греческой прелестью», написаны незадолго до смерти. Начавъ съ подражанія французамъ, онъ кончаетъ состязаніемъ съ древними; изъ ученика Батюшкова становится самъ учителемъ и образцомъ для послѣдующихъ поколѣній. Какъ достигъ онъ этого, какъ удалось ему, по образному выраженію грековъ, «похитить поясъ Афродиты», — это составляетъ священную тайну творчества, которой мы знать не можемъ. Но пролѣдить внѣшнія проявленія внутренней работы поэта, установить извѣстныя вѣхи на пути его развитія въ данномъ направленіи и привести разрозненные стихотворенія въ непосредственную связь и соприкосновеніе съ его личною жизнью въ нашихъ силахъ, и это главнымъ образомъ входитъ въ задачу настоящей статьи.

II.

„Французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не ходила“.

Пушкинъ „Замѣтки 1827 г.“

„Александровы стихи не пахнутъ латынью и не носятъ на себѣ ни одного пятнышка семинарскаго“.

В. Л. Пушкинъ о племянникѣ.

«Если разобрать первоначальныя стихотворенія Пушкина въ періодъ времени съ 1815—1818, за три первые года, и отдѣлить отъ нихъ подражанія предшественникамъ — Державину, Карамзину, Жуковскому,

говорить Анненковъ, *) то остается еще большой отдѣлъ легкихъ, игривыхъ посланій, застольныхъ вакхическихкихъ пѣсней, которыя видимо обязаны существованіемъ своимъ вліянію французскихъ, такъ называемыхъ анакреонтическихъ писателей».

Всѣ эти піесы **) щеголяютъ гладкими, красивыми стихами и наполнены мѣологическими именами и образами. Основной мотивъ ихъ прекрасно выраженъ въ слѣдующихъ строкахъ стихотворенія: «Гробъ Анакреона»:

„Смертный! вѣкъ твой—привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубокъ наливай,
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!“

Онѣ могутъ быть интересны для насъ въ качествѣ характеристики тогдашняго настроенія молодого поэта, — его веселаго взгляда на жизнь и стремленія къ беззаботному наслажденію. Античными, классическими эти легкія созданія парижской салонной литературы названы быть не могутъ, хотя сюжеты ихъ какъ будто заимствованы изъ древнегреческой жизни. Но между этими псевдоклассическими стихотвореніями уже встрѣчаются два-три произведенія, которыя обращаютъ на себя вниманіе инымъ характеромъ. Таково

---

*) Стр. 33.

**) Вотъ ихъ, если не ошибаюсь, полный перечень: 1812: Пѣсня, Делія; 1814: Леда (подражаніе Парни), Венерѣ отъ Лаисы (Вольтеръ), Блаженство; 1815: Разсудокъ и любовь, Мое Завѣщаніе, Гробъ Анакреона (изъ Парни); 1816: Фавнъ и пастушка (Парни), Къ Морфею (Парни), Посланіе Лидѣ, Амуръ и Гименей, Фіаль Анакреона; 1817: Письмо къ Лидѣ (Парни) и одна піеса 1823: Прозерпина (Парни), которую по тону приходится отнести къ первому періоду. Стихотворенія цитируются по изданію Смирновскаго.

помѣченное 1815 г. стихотвореніе «Лицинію». О происхожденіи его извѣстно слѣдующее. Пушкину приснилось двустипіе: «Пускай Глицерія, красавица младая» и т. д.; къ нему потомъ и подобралъ онъ цѣлое стихотвореніе, выдавая его передъ товарищами за подражаніе латинскому. Правды въ этой невинной поддѣлкѣ было только то, что произведеніе дѣйствительно навѣяно было римскимъ сатирикомъ Ювеналомъ, котораго Пушкинъ читалъ въ Лицеѣ во французскомъ переводѣ. Это жанровая картинка императорскаго Рима время имперіи; поэтъ съ талантомъ истиннаго художника сумѣлъ сопоставить два контраста; съ одной стороны молодой красавецъ—временщикъ Ветулій, любимецъ кесаря, идолъ сената и народа, летящій на быстрой колесницѣ по улицамъ Рима; съ другой—угрюмый философъ-циникъ Даметъ, «въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою», мрачно покидающій развратную и раболѣпную столицу. Обѣ фигуры выступаютъ въ обращенной къ Лицинію рѣчи не названнаго римлянина-республиканца, который съ горестью видитъ паденіе отчизны и приглашаетъ своего друга оставить порочный городъ и предаться невиннымъ наслажденіямъ эпикурейской жизни на лонѣ сельской тишины. Картина общественныхъ нравовъ, набросанная поэтомъ въ этомъ монологѣ, равно какъ мрачная перспектива грознаго нашествія варваровъ на Римъ удивляютъ живостью изображенія и вѣрностью исторіи. «Стихотвореніе, заслужившее общее вниманіе и одобреніе литераторовъ, свидѣтельствуетъ, говорить Л. Поливановъ, *) какъ рано умѣлъ поэтъ претворять исторію въ поэтическіе образы. Но кромѣ этого оно интересно и въ другомъ отношеніи: когда читаешь эти страстные нападки на Римъ, чувствуется, что монологъ служитъ до нѣкоторой степени вырази-

---

*) „Лирическія стихотворенія Пушкина“, изданіе Л. Поливанова.

емъ взгляда на современную жизнь шестнадцатилѣтняго поэта. при чемъ проскальзываетъ то эпикурейское направление, которое было столь свойственно юности Пушкина.

Вліяніе Батюшкова сказывается въ стихотвореніяхъ: «Торжество Вакха» (1817), посланіи къ Юрьеву: «Любимецъ вѣтреныхъ Лагсъ» (1818), Кривцову: «Не пугай насъ, милый другъ» (1819). Первое стихотвореніе выдержано въ повышенномъ тонѣ. Это какъ бы отвѣтъ на вызовъ Батюшкова, обращенный къ поэту, чтобы,

„Простясь съ Анакреономъ;
Спѣшилъ онъ за Марономъ
И пѣлъ при звукахъ лиръ
Войны кровавой пирь“. *)

Поэтъ, не особенно любившій «Чахоточнаго отца немого тощей Энеиды», какъ бы съ умысломъ выбираетъ себѣ другой образецъ въ древней поэзіи — Овидія и его извѣстный девизъ: «*Militat omnis amans*» полагаетъ въ основу піесы, воспѣвая «мирный бой». на который стекаются «отважные бойцы. вооруженные тирсами». **) Детали стихотворенія выдаютъ приемы ложноклассиковъ (таковы, на примѣръ: невольники. подающіе тирсы господамъ, аллегорическіе «эроты, игры» на ряду съ дѣйствительно мифологическими «тиграми, сатирами, фавнами»; «кубокъ Силена, вѣнчаный сапфирной кружкой»; пляски вакханокъ, изображенныя на подобіе театральнаго балета и т. п.). но общій тонъ, какъ сказано. напоминаетъ манеру Батюшкова***). «Посланіе Кривцову» наводитъ на сравненіе съ болѣе позднимъ стихотвореніемъ

*) Посланіе къ Батюшкову (1815).

**) Ср. *Vaschus et Pentheus* въ *Метаморфозахъ* Овидія.

***) Такъ начало стихотворенія напоминаетъ піесу „Умирающій Тассъ“, а изображеніе менадъ, очевидно, навѣяно „Вакханкой“ Батюшкова.

поэта: «Порѣдѣли, побѣлѣли» (1835 г.), представляющимъ переложеніе піесы Анакреонта. И въ томъ и другомъ выражается мысль о смерти. Но въ первомъ слышится голосъ легкомысленной юности, полной избытка силъ, для которой смерть игрушка, во второмъ—тревожная дума старца, съ трепетомъ ждущаго своей очереди покинуть міръ. Простота и задушевность тона, отсутствіе манерности и вычурности—все это такія черты, которыя выдѣляютъ эту піесу изъ среды другихъ и приближаютъ ее къ образцамъ античной поэзіи. «Посланіе къ Юрьеву» (1812), которое заканчивается необыкновенно живымъ образомъ нимфы, залюбовавшейся на фавна:

„Съ невольнымъ пламенемъ ланить,
Украдкой нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На фавна иногда глядитъ“,

носить въ себѣ уже такія достоинства и зачатки будущей Пушкинской антологической поэзіи, что пробуждаетъ чувство ревности въ Батюшковѣ и вызываетъ у него извѣстное восклицаніе: «О, какъ сталъ писать этотъ злодѣй!»

III.

„C'est un imitateur“.

Пушкинъ о Шенье.

„Переводчики—подставныя лошади просвѣщенія.“

Замѣтки Пушкина.

Но все это были лишь первыя «пробы пера», первыя попытки творчества въ этомъ родѣ. Гораздо болѣе глубокое пониманіе античной поэзіи начинаетъ обнаруживать Пушкинъ во второмъ періодѣ своей поэтической

дѣятельности, со времени ссылки на югъ (1820—1824). Югъ, какъ извѣстно, оказалъ рѣшающее вліяніе на музу Пушкина: здѣсь открылся и окрѣпъ его «своенравный геній»; здѣсь. «стремясь въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ», поэтъ «позналъ и тихій трудъ и жажду наслажденій»; здѣсь отрекся онъ отъ кумировъ французской литературы, испыталъ и пережилъ увлеченіе Байрономъ; здѣсь же, наконецъ, впервые пробудился въ немъ живой интересъ къ классическому міру и началось изученіе его памятниковъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что Пушкинъ самъ не искалъ этого знакомства и не стремился къ нему: обстоятельства жизни наталкивали его на это. Схвативъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Екатеринославъ горячку. Пушкинъ съ семьей Раевскихъ поѣхалъ для поправленія здоровья на Кавказъ. а оттуда въ Крымъ. Здѣсь посѣтилъ онъ классическія развалины гроба Митридата. осмотрѣлъ остатки Пантикапеи; но наиболѣе сильное впечатлѣніе, какъ онъ самъ выражается впослѣдствіи въ письмѣ къ Дельвигу изъ Михайловскаго (декабря 1824 г.), произвели на него «баснословныя развалины храма Діаны». Тутъ посѣтило его вдохновеніе; слѣдствіемъ было вылившееся отъ сердца «Посланіе къ Чаадаеву» (1820):

„Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой Эмениды:
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руки занесла!
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось“...

Здѣсь же ожидало Пушкина знакомство съ поэтомъ, который послужилъ для него какъ бы входною дверью

въ храмъ древности. Когда Пушкинъ гостилъ у Раевскихъ въ Гурзуфѣ, младшій сынъ генерала Раевского А. Н. Раевскій, имѣвшій вообще въ то время большое вліяніе на поэта, познакомилъ его съ французскимъ писателемъ Андреемъ Шенье. сборникъ стихотвореній котораго вышелъ въ свѣтъ за годъ передъ тѣмъ (1819). Шенье сразу завоевалъ симпатію Пушкина и надолго сдѣлался его любимымъ поэтомъ, такъ что онъ предпочиталъ его даже Байрону. Его трагическую судьбу— Шенье палъ отъ гильотины коммуны за несочувствіе мнѣніямъ толпы— Пушкинъ воспѣлъ въ послѣдствіи (1825) въ глубоко прочувствованномъ стихотвореніи. начало котораго читается слѣдующимъ образомъ:

„Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ
 На урну Байрона взираетъ
 И хору европейскихъ лиръ
 Близъ Данте тѣнь его внимаетъ:
 Зоветъ меня другая тѣнь,
 Давно, безъ пѣсенъ, безъ рыданій,
 Съ кровавой плахи, въ дни страданій
 Сошедшая въ могилну сѣнь.
 Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
 Пѣвцу возвышенной мечты
 Звучитъ незнаемая лира.

Пушкинъ одинъ изъ первыхъ не только въ Россіи но и въ Европѣ заговорилъ о произведеніяхъ Шенье вполне оцѣнивъ нѣжную прелесть и изящество его антологическихъ піесъ. Въ своихъ «Замѣткахъ при чтеніи книгъ» (1825) онъ называетъ Шенье «поэтомъ, пропитаннымъ древностью, коего недостатки проистекаютъ отъ желанія дать французскому языку формы греческаго стихосложенія». Въ письмѣ къ кн. Вяземскому, говоря о новѣйшей поэзіи, Пушкинъ называетъ Шенье «истиннымъ грекомъ, изъ классиковъ классикомъ, отъ котораго такъ и пахнетъ Теоокритомъ и антологіей». Со времени знакомства съ Шенье Пушкинъ окончательно бросаетъ Парни и К⁶, и тонъ его антологическихъ,

піесь совершенно измѣняется *). Со всѣмъ тѣмъ не нужно преувеличивать вліяніе французскаго поэта на геніальнаго ученика. Пушкинъ никогда не могъ быть не только переводчикомъ, но и простымъ подражателемъ; всякій поэтъ, который овладѣвалъ его воображеніемъ, становился для него объектомъ благороднаго соревнованія; въ состязаніи съ нимъ крѣпли его собственныя силы. Такъ было съ романтикомъ Жуковскимъ, котораго Пушкинъ разбилъ на своемъ «Русланъ и Людмила»; такъ было, какъ мы видѣли, съ Батюшковымъ; такъ же случилось и съ Шенье. Заимствуя тему стихотворенія изъ французскаго оригинала, Пушкинъ поступаетъ съ ней такъ, какъ ему подсказываетъ собственное поэтическое чутье, настроенное на данный ладъ. Въ большинствѣ случаевъ—это особенность его энергическаго, выразительнаго стиха—онъ сокращаетъ представленія Шенье и придаетъ своимъ передѣлкамъ мѣру и изящество, не всегда сохраняемые подлинникомъ: такимъ образомъ ученикъ оказывается болѣе совершеннымъ классикомъ, нежели его учитель.

Изъ числа антологическихъ стихотвореній Пушкина можно указать на четыре піесы, представляющія подражаніе Шенье: «Доридъ» (1820), «Муза» (1821), «Ты вянешь и молчишь» (1824), «Покровъ, упитанный язвительною кровью» (1825). Всѣ они обнимаютъ періодъ времени съ 1820—1825 и всѣ написаны александрійскими стихами. Первое изъ поименованныхъ стихотвореній можетъ служить образчикомъ чисто Пушкинскаго отношенія къ своему оригиналу; изъ довольно длинной элегіи Шенье онъ взялъ только одинъ стихъ: «*Et des noms caressants la mollesse enfantine*» («И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность») и на основаніи

---

*) Много содѣйствовало переизмѣнѣ въ манерѣ стихотвореній этого рода у Пушкина появленіе вышеупомянутыхъ переводовъ изъ древнихъ Батюшкова, которыя вышли какъ разъ въ это время.

его создалъ легкую граціозную піесу, живо рисующую образъ любящей дѣвушки:

Все непритворно въ ней: желаній томный жарь,
Стыдливость робкая—харить безцѣнный дарь,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

Матеріаломъ для второго стихотворенія послужилъ слѣдующій отрывокъ изъ идилліи Шенье:

Toujour ce souvenir m'attendrit et me touche,
Quand lui-même, appliquant la flûte sur ma bouche,
Riant et m'asseyant sur lui, près de son coeur,
M'appelait son rival et déjà son vainqueur,
Il façonnait ma lèvre inhabile et peu sûre
A souffler une haleine harmonieuse et pure;
Et ses savantes mains prenaient mes jeunes doigts,
Les levaient, les baissaient, recommençaient vingt fois,
Leur enseignant ainsi, quoique faibles encore,
A fermer tour à tour les trous du bois sonore.

При передѣлкѣ Пушкинъ замѣняетъ какого-то неизвѣстнаго учителя французскаго оригинала граціознымъ образомъ музы,—и піеса оживаетъ: обыкновенный урокъ на флейтѣ обращается въ группу античнаго стиля. Что рисуетъ намъ Шенье: тѣсная комната, люпитръ съ вотами. любящій учитель, прилежный ученикъ; какъ это все прозаично. какъ это приглядѣлось. Посмотрите, что вышло у Пушкина: въ тѣни дубовъ геніальный ученикъ наигрываетъ дѣтскими перстами свои первыя пѣсни; съ улыбкой внимаетъ муза своему любимцу; вотъ она беретъ его свирѣль,—чудныя пѣсни льются изъ тростника и наполняютъ очарованіемъ душу мальчика; какъ все здѣсь дышитъ непринужденностью, легкостью, этими всегдашними спутниками таланта; это урокъ Моцарта, подобно тому какъ въ піесѣ Шенье—урокъ Сальери. Но помимо созданія новаго образа какова форма выраженія въ этомъ стихотвореніи. «Въ четырнадцати стихахъ заключено все, чего можетъ требовать воображеніе и чув-

ство», говоритъ современникъ Пушкина Плетневъ въ своемъ разборѣ стихотворенія. «Нѣтъ ни одного слова лишняго, ни одного стиха невыдержаннаго, ни одной картины недодѣланной. Нужно ли прибавлять, что гармонія стиховъ въ семь сочиненія представляетъ пріятнѣйшую музыку для слуха?.. Какая вѣрность въ выраженіяхъ и свѣжесть въ подборѣ эпитетовъ, какъ на примѣръ, въ слѣдующихъ стихахъ:

„И слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны *важные*, внушенные богами,
И пѣсни *мирныя* фригійскихъ пастуховъ“.

Самъ Пушкинъ особенно цѣнилъ это стихотвореніе за сходство его съ произведеніями Батюшкова. Рассказываютъ, что въ 1828 году онъ, по просьбѣ одного московскаго литератора, написалъ ему въ альбомъ именно это стихотвореніе. На вопросъ литератора, почему оно пришло ему на умъ, онъ отвѣчалъ: «Я люблю его: оно отзывается стихами Батюшкова». — Третье стихотвореніе «Ты вянешь и молчишь», темою котораго служить первая любовь дѣвушки, старающейся стыдливо скрыть свое чувство отъ посторонняго глаза и поминутно измѣняющей своей тайнѣ, обыкновенно не зачисляется въ разрядъ антологическихъ пѣсней, хотя оно несомнѣнно относится къ этому жанру и по общей своей пластичности и по присутствію въ немъ образа, заимствованнаго изъ древняго міра, судя по крайней мѣрѣ по слѣдующимъ заключительнымъ стихамъ:

„Никто на праздникъ блистательнаго мая,
Межъ колесницами роскошными летая,
Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.“

Пушкинъ передалъ пѣсу довольно близко къ подлиннику, но при этомъ она все-таки вышла короче, благо-

даря сжатости его языка и устраненію всего манернаго. То же можно сказать и о четвертой піесѣ «Покровъ, упитанный язвительною кровью», темою для которой послужило извѣстное преданіе о смерти Геракла, обработанное между прочимъ Софокломъ въ его трагедіи «Трахинянки». Оригиналъ читается слѣдующимъ образомъ:

„Oeta, mont ennobli par cette nuit ardente,
 Quand l'infidèle époux d'une épouse imprudente
 Reçut de son amour un présent trop jaloux.
 Victime du centaure immolé par ses coups;
 Il brise tes forêts: ta cime épaisse et sombre
 En un bûcher immense amoncelle sans nombre
 Les sapins résineux que son bras a ployés.
 Il y porte la flamme; il monte: sous ses pieds
 Etend du vieux lion la deponille héroïque,
 Et oeil au ciel, la main sur la massue antique,
 Attend sa récompense et l'heure d'être un dieu.
 Le vent souffle et mugit. Le bûcher tout en feu
 Brille autour du héros, et la flamme rapide
 Porte aux palais divins l'ame du grande Alcide!“

Переводъ почти вѣренъ оригиналу; даже число стиховъ одинаково, сохранены всѣ особенности его: отрывочность, сообщающая стиху сильное движеніе, быстрый переходъ къ заключительному плавному двустижію, красиво замыкающему картину страданій героя и изображающему его апоѳеозъ. Но и здѣсь сказалась очищающая рука мастера: опущено реторическое обращеніе къ горѣ Этѣ (ст. 5); вмѣсто первыхъ четырехъ довольно прозаическихъ стиховъ подлинника набросана грандіозная картина страданій героя... Пушкинъ неоднократно возвращался къ этому стихотворенію и окончательно исправилъ его лишь 20 апрѣля 1835 года. Оно издано было въ «Современникѣ» въ 1836 году безъ подписи, вѣроятно, въ избѣжаніе какихъ-либо глумленій со стороны свѣта, въ виду всѣмъ извѣстныхъ обстоятельствъ послѣднихъ лѣтъ семейной жизни Пушкина.

На ряду съ подражаніями являются собственныя произведенія Пушкина, навѣянныя тѣмъ же французскимъ поэтомъ. Замѣчательно, что антологическія піесы почти всегда являются у Пушкина не поодинокѣ, а по нѣсколько штукъ за разъ. Это стоитъ въ связи съ процессомъ его творчества. Онъ обладалъ необыкновенной воспримчивостью: его душа была подобна прекрасному инструменту съ туго натянутыми струнами; ударьте по одной струнѣ: она издастъ звукъ. а въ отвѣтъ ей послышатся цѣлые аккорды, цѣлыя созвучія. Такъ и у поэта какой-нибудь одинъ поразившій его образъ въ силу ассоціаціи будить цѣлую толпу однородныхъ видѣній. подобныхъ образамъ—и они ищутъ выхода. сами собою складываясь въ разъ данную форму, данный метръ. Таковы произведенія: «Дорида», «Нереида». «Рѣдѣть облаковъ» (1820); «Дѣва, Діонея, Красавица передъ зеркаломъ» (1821); «Примѣты» (1822); «Ночь» (1823). «Сафо» (1825); сюда же, можетъ быть, какъ послѣдній отзвукъ того же вліянія Шенье, можно отнести стихотвореніе 1832 г. «Нѣтъ, я не дорожу». Всѣ эти мелкія піесы, написанныя александрійскими стихами, исполнены необыкновенной красоты формы. гармоніи очертаній и чисто антической граціи. Читая ихъ, не знаешь. чѣмъ болѣе восхищаться: музыкой ли стиховъ, переливомъ ли красокъ, пластичностью ли образовъ; по мѣткому выраженію Бѣлинскаго. это *«чудныя изваянія, видимыя слухомъ»*. Въ стихотвореніи «Примѣты», столь напоминающемъ стихотвореніе «Муза». въ необыкновенно величавой и спокойной формѣ выражено чувство природы, такъ сильно проявившееся въ поэтѣ въ послѣдующіе годы. Особенное вниманіе обращаетъ сгиль стихотворенія—созданіе самого Пушкина. По поводу его Л. Поливановъ говоритъ слѣдующее: «Установляя новыя формы поэзіи и при этомъ отыскивая выраженія для передачи античныхъ представленій, русскіе поэты первой четверти нынѣшняго вѣка охотно

прибѣгали къ славянизмамъ. Пушкинъ собственнымъ примѣромъ подтвердилъ это избраніе и сумѣлъ сообщить своеобразную прелесть русскому стиху античнаго пошиба. Славянизмы и многостопный размѣръ предають ему характеръ «важныхъ пѣсенъ»... стихъ льется не только спокойно, но и чрезвычайно свободно». Что касается выбора словъ, то по этому стихотворенію еще лучше, нежели по вышеприведенной пѣсѣ «Муза», можно прослѣдить отношеніе Пушкина къ своему учителю Батюшкову. «Въ лучшихъ сочиненіяхъ Батюшкова, говоритъ Поливановъ, Пушкинъ.... учуялъ.... элементы художественной антологіи и нашелъ надлежащій для нея языкъ. пользуясь и сокращенными прилагательными, но весьма осторожно, и со свойственнымъ ему вкусомъ избирая изъ церковно-славянскаго языка такія слова, которыя не лишали бы картину античнаго колорита и не вытѣсняли бы его колоритомъ библейскимъ (таковы, напримѣръ, слова: земледѣль (а не орадай). вѣтръ. мразь, хладъ, лоно. дѣва, селянинъ, злакъ), и искусно сплавляя ихъ съ чисто русскими словами (какъ: па-стухъ, окличуть, яркое, ревучій, лѣнливую дремоту). Но главное, что отличаетъ стихъ Пушкина—это его благозвучіе и въ паденіи удареній и въ сочетаніи гласныхъ и согласныхъ (противъ чего часто погрѣшаетъ Батюшковъ)... Соединяя поэзію картины, заключаетъ Поливановъ, съ поэтическимъ языкомъ, Пушкинъ далъ въ своихъ антологическихъ произведеніяхъ то неуловимое нѣчто, которое внесъ и въ русскую поэзію, пользуясь стихотворными формами. уже до него введенными во всеобщее употребленіе и считавшимися исгасканными отъ бездарнаго ихъ примѣненія».

Элегической грустью, тихимъ раздумьемъ дышитъ полное чисто Пушкинское прелести стихотвореніе «Рѣдѣтъ облаковъ летучая града». Оно относится къ разряду столь свойственныхъ поэту переживаній прошлаго, и по формѣ, образности, вообще по общему тону принадле-

жить также къ антологическимъ піесамъ. Стихотвореніе вызвано воспоминаніемъ о счастливыхъ и мирныхъ дняхъ, проведенныхъ поэтомъ въ Тавридѣ, въ дружественной семьѣ Раевскихъ, и озаренныхъ первой чистой любовью: «мирный край, стройные тополи, нѣжный миртъ, темный кипарисъ, таврическія волны» — словомъ, всѣ картины ласкающаго юга возстаютъ въ воображеніи поэта, и все это сливается въ образъ мечтательной дѣвушки, ищущей вечернюю звѣзду—свою тезку, какъ граціозно кончаетъ стихотвореніе поэтъ. Не меньшей красотой отличаются и тѣ піесы, гдѣ изображается пылкая страсть и восторги любви. Возьмите, напримѣръ, такую вещь, какъ піеса «Дорида»; что составляетъ содержаніе стихотворенія? Изображеніе физической красоты, опьяненіе чувственной любовью. Но надъ всѣмъ этимъ стелется легкой дымкой неудовлетворенность истиннаго чувства, исканіе иного, высшаго счастья,—и это добавленіе кладетъ на всю піесу печать удивительной мѣры и гармоніи. И все это богатство и разнообразіе ощущеній уложено въ десяти стихахъ. *) Необыкновенной прелестью и нѣжностью проникнуты піесы Пушкина: «Ночь» и «Нѣтъ, я не дорожу»; грація, изящество, нѣжность эроса въ нихъ неподражаема. Какъ скульптурное изваяніе стоитъ передъ глазами читателя Пушкинская «Нереида»; кажется, видишь ее вмѣстѣ съ поэгомъ. А вотъ и другая фигурка изъ той же серіи античныхъ статуэтокъ: «Красавица передъ зеркаломъ».

....» Свое чело

Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,

Играетъ локономъ, и вѣрное стекло

Улыбку, хитрый взоръ и гордость выражаетъ“.

---

*) Начало этого стихотворенія напоминаетъ піесу Батюшкова: „Въ Лансѣ нравится улыбка на устахъ“; такъ же какъ въ стихотвореніи „Доридѣ“ (подражаніе Шенье), и здѣсь одинъ стихъ подалъ поэту поводъ создать свою собственную картину.

Въ четырехъ строкахъ какой портретъ: какъ мѣтко схвачены приемы, уловки и вся тонкая психологія кокетства!—Въ піесѣ «Дѣва» поэту захотѣлось набросать эскизъ неприступной, холодной красавицы, предъ которой всѣ преклоняются: описатьъ силу чаръ ея и презрѣніе къ своимъ поклонникамъ, онъ добавляетъ одинъ только стихъ:

„И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ“, и «Дѣва» стоитъ передъ нами, какъ живая, во всей своей гордой и дивной красотѣ. во всемъ своемъ непреклонномъ величіи.— «Дюнея». представляетъ какъ бы отзвукъ піесы «Ты вынешь и молчишь»: въ обѣихъ схвачены примѣты влюбленныхъ. Если высказанная догадка о соотношеніи между собою этихъ двухъ піесъ справедлива, то это даетъ намъ возможность сдѣлать новое интересное наблюденіе относительно подражаній Пушкина: онъ *переживалъ* ихъ, настолько усваивая ихъ себѣ, что они, иногда не получивъ еще сами определенной формы, определенной выраженія, становились источниками вдохновенія, вызывая въ душѣ поэта отвѣтные образы. Къ этому же періоду, отмѣченному вліаніемъ Шенье. слѣдуетъ отнести. вслѣдствіе сходства формы, и двустипшіе «Сафо», въ которомъ, кажется, кроется попытка поэта объяснить преданіе объ эросѣ этой своею нравной поэтессы граціознымъ образомъ «пылкаго, гордаго, незлобнаго» юноши. отмѣченнаго «женоподобной красой» первой молодости.

IV.

„Имѣлъ онъ пісень дивный даръ
И голосъ, шуму воды подобный“
Цыганы.

Когда Пушкинъ основался на нѣкоторое время въ Кишиневѣ. то среди соблазновъ праздной и безпорядочной «молдаванской» жизни. которая поневолѣ затянула

въ себя изгнанника. онъ нашелъ новаго друга—въ лицѣ римскаго поэта Овидія, изученіе котораго оставило въ немъ самыя свѣтлыя воспоминанія и еще болѣе породнило его съ античной поэзіей. Пушкинъ увлекался Овидіемъ особенно потому. что онъ находилъ много общаго между нимъ и собою какъ въ направленіи музы, такъ и въ личной судьбѣ. Подтвержденіемъ перваго можетъ служить предпоследняя строфа стихотворенія «Желаніе» (1821), гдѣ поэтъ говоритъ про себя:

Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
Счастливая пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки....

подтвержденіемъ второго восклицаніе, вырвавшееся у поэта въ стихотвореніи «Къ Овидію»:

„Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, *участью* я равенъ былъ тебѣ“.

Пушкинъ, несомнѣнно, читалъ Овидія много и при томъ въ подлинникѣ. Многія мѣста изъ него онъ помнилъ наизусть. Последнее доказывается какъ цитатами изъ стихотвореній Овидія, которыя онъ неоднократно приводитъ въ письмахъ къ друзьямъ (напримѣръ, въ письмѣ къ Гнѣдичу 29 апрѣля 1822 года изъ Кишинева, при посылкѣ ему «Кавказскаго Плѣнника». онъ цитируетъ извѣстное напутствіе Овидія къ его книгѣ *Tristium: Parve, nec invideo. sine me, liber, ibis in urbem, Neu mihi! quo domino non licet ire tuo*», прибавляя далѣе: *Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse!*»), такъ и тѣми замѣчаніями, которыя относятся къ обстоятельствамъ жизни и оцѣнкѣ сочиненій опальнаго римскаго поэта. Таково примѣчаніе Пушкина къ первой главѣ «Онѣгина». доказывающее присутствіе въ немъ извѣстной филологической жилки. «Мнѣніе. будто бы Овидій былъ сосланъ въ нынѣшній Аккерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ *Ex Ponto* онъ

ясно означаетъ мѣстомъ пребыванія городъ Тома при самомъ устьѣ Дуная. Столько же несправедливо и мнѣніе Вольтера. полагающаго причиною его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около 50 лѣтъ. а развратная Юлія 10 лѣтъ тому прежде была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ—не что иное, какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово, и тайна его съ нимъ умерла: «*Alterius facti culpa silenda mihi*». Въ статьѣ, написанной по поводу «*Θρακίικωνъ элегій*» Теплякова, Пушкинъ, вступаясь за славу Овидія. унизленную французомъ Гросетомъ, дѣлаетъ слѣдующую, вполне вѣрную оцѣнку его произведеній: «Книга *Tristium* не заслужила такого строгаго осужденія. Она выше. по нашему мнѣнію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидіевыхъ. кромѣ «*Превращеній*». «*Геройды*», «*Элегій*» любовныя, самая поэма «*Ars amandi*», мнимая причина его изгнанія, уступаютъ Элегіямъ Понтійскимъ. Въ сихъ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе простодушія, болѣе индивидуальности и менѣе холоднаго остроумія. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! сколько живости въ подробностяхъ! и какая грусть о Римѣ! какія трогательныя жалобы!» Здѣсь же Пушкинъ исправляетъ неточность Теплякова въ изображеніи характера Овидія: «Овидій, говоритъ онъ. добродушно признается, что онъ и смолоду не былъ охотникъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ и трепетной рукой хвататься за мечъ при первой вѣсти о набѣгѣ (*Ср. Trist. l. IV, 1*)». Всѣ приведенныя выписки показываютъ, какъ прилежно изучалъ Пушкинъ творенія Овидія. *) Плодомъ занятій

---

*) Что Пушкинъ вообще вынесъ изъ Лицея довольно порядочное знаніе латинскаго языка и авторовъ, доказываютъ его неоднократныя цитаты изъ римскихъ поэтовъ, приводимыя имъ въ своихъ сочиненіяхъ и перепискѣ. Особенно

римскимъ поэтомъ явилось стихотвореніе Пушкина «Къ Овидію». Исторія этого стихотворенія слѣдующая. 26 декабря 1821 года Пушкинъ посѣтилъ Акерманъ, старинную крѣпость, расположенную на мысѣ Днѣпровскаго лимана. Противъ нея лежитъ Овидіополь. По рассказамъ обывателей, Пушкинъ провелъ цѣлую ночь на прибрежной башнѣ, любуясь городомъ, который отсюда виднѣется на краю горизонта; башня съ тѣхъ поръ получила названіе Овидіевой. Результатомъ этой вдохновенной бесѣды съ тѣнью римскаго поэта явилось выше названное стихотвореніе «Къ Овидію», которое Пушкинъ очень любилъ. предпочитая его даже «Наполеону». «Каковы стихи къ Овидію. пишетъ онъ въ письмѣ къ брату 30 января 1823 года: душа моя. и «Русланъ», и «Noël»

посчастливилось въ этомъ отношеніи Горацію: напримѣръ, въ письмѣ къ Вяземскому, характеризуя свою невѣсту, онъ пародируетъ одно мѣсто изъ его оды (l. 1, 3, 9): „Что у нея за сердце! Твердой дубовой корой, тройнымъ булатомъ грудь ея вооружена, какъ у Гораціева мореплавателя; въ „Путешествіи въ Эрзерумъ“ читаемъ въ гл. III знаменитое Гораціево: *Heu! (vm. Eheu) fugaces, Postume, Postume, labuntur anni* (повторенное въ извращенномъ видѣ въ одномъ изъ писемъ къ Катенину); тамъ же Гораціевъ стихъ: „*Nec Armeniis in oris, amice Valge, stat glacies iners menses per omnes*“ (l. II, 9, 4—6); въ одной изъ своихъ замѣтокъ Пушкинъ комментируетъ 125-й стихъ „*De arte poëtica*“: „*Difficile est proprie communia dicere*“, замѣчая, по поводу неправильнаго англійскаго перевода слова „*communia*“, что этотъ терминъ обозначаетъ слова „общія всѣмъ“, а не „обыкновенныя“; наконецъ, хорошее знаніе Горація доказываетъ его переводъ оды ad Pompeium (см. далѣе). Любилъ Пушкинъ вспоминать и другихъ латинскихъ поэтовъ: такъ онъ взялъ цѣлый стихъ у Проперція, искусно поддѣлалъ его и вставилъ его въ слѣдующее четверостишіе: „*Vездѣ со мной неутомима, мнѣ муза пѣла, пѣла вновь—amoreм sanata aetas prima—все про любовь да про любовь*“; перевелъ изъ Катудла—*Minister vetuli puer*. Въ иныхъ случаяхъ Пушкинъ пробовалъ даже писать по-латыни; такой образчикъ Пушкинской латыни любители могутъ найти въ главѣ IV „Путешествія въ Эрзерумъ“.

(одинъ изъ памфлетовъ Пушкина), и все—дрянѣ въ сравненіи съ ними». «Это стихотвореніе, заключающее тонкія красоты, отличается необыкновенною нѣжностію красокъ, подобно картинѣ искуснаго живописца, умѣющаго безъ эффектовъ яркаго освѣщенія располагать одними полутонами», говоритъ о немъ Поливановъ. Не стану передавать его содержанія, всѣмъ извѣстнаго. Высокое чувство человѣчности и необыкновенная искренность составляютъ главное достоинство элегіи. «Суровый славянинъ» понимаетъ страданія своего южнаго собрата, «роскошнаго гражданина златой Италіи»; онъ живо представляетъ себѣ его безпомощность, такъ поэтически изображенную имъ два года спустя устами стараго цыгана, — но онъ спѣшитъ утѣшить его «жалобную тѣнь» напоминаніемъ о его неувядаемой славѣ, отдавая пальму первенства передъ собой его генію. Нотка грусти, печальнаго раздумья о своей собственной, какъ тогда казалось поэту, навѣки похороненной въ безвѣстности судьбѣ, вмѣстѣ съ сознаніемъ собственного достоинства. не утраченнаго имъ подъ ударами рока, придаютъ этой элегіи необыкновенно теплый, сердечный тонъ; читатель невольно испытываетъ чувство состраданія къ обоимъ изгнанникамъ-поэтамъ, какъ бы отождествляя судьбу ихъ. Какъ прекрасно выразился по этому поводу Стоюнинъ: «Мѣста Овидіевой ссылки, его печальныя гѣсни и его тѣнь, сопутствовавшая изгнаннику, содѣйствовали какъ-будто невѣроятной метемпсихозѣ: въ тяжелыя минуты одиночества въ тѣлѣ Пушкина жила душа Овидія». *)

При обзорѣ произведеній, возникшихъ на югѣ, мы не коснулись одного стихотворенія, написаннаго Пушкинымъ въ 1821 году: «Земля и море» — идиллія греческаго поэта Мосха. Какъ по своему происхожденію, такъ и по выраженію піеса эта настолько отличается

---

*) Стр. 131.

отъ остальныхъ произведеній разсмотрѣннаго періода. что, несмотря на ея раннее возникновеніе, ее несомнѣнно слѣдуетъ считать провозвѣстницей новаго направленія въ антологической поэзіи Пушкина, начавшагося съ его переселенія въ Михайловское и ознаменованнаго *переложеніями* изъ древнихъ, преимущественно *греческихъ* авторовъ. Отъ подражаній Шенье наша піеса отличается какъ своимъ метромъ. такъ и отношеніемъ къ оригиналу. На какомъ языкѣ имѣлъ Пушкинъ, не знавшій греческаго языка, подлинникъ этого стихотворенія, неизвѣстно, Весьма вѣроятно предположеніе, высказанное П. Черняевымъ *). что съ Мосхомъ Пушкина познакомилъ еще въ Лицеѣ его учитель Кошанскій, который, какъ было выше. указано, переводилъ идилліи Біона и Мосха. Греческій текстъ этой идилліи слѣдующій:

Τὰν ἄλα τὰν γλαυκὰν δταν ὤνεμος ἀτρέμα βάλλῃ,
τὰν φρένα τὰν δειλὰν ἐρεθίζομαι, οὐδ' ἔτι μοι γὰ
ἐντὶ φίλα, πατάγει δὲ πολὺ πλεον ἄμμε γαλάνα.
ἀλλ' δταν ἀχήσῃ πολὺς βυθός, ἅ δὲ θάλασσα
κυρτὸν ἐπαφρίζῃ, τὰ δὲ κύματα μακρὰ μεμήνη,
ἐς χθόνα παπταίνω καὶ δένδρεα, τὰν δ' ἄλα φεύγω·
γὰ δὲ μοι ἀσπαστά, χ' ἅ δάσκιος εὐαδεν ὕλα,
ἔνθα καὶ ἦν πνεύση πολὺς ὤνεμος, ἅ πίτυς ἄδει.
ἦ κακὸν ὃ γριπεὺς ζῶει βίον, ᾧ δόμος ἅ ναὺς
καὶ πόνος ἐντὶ θάλασσα καὶ ἰχθὺς ἅ πλάνος ἄγρα.
αὐτὰρ ἐμοὶ γλυκὺς ὕπνος ὑπὸ πλατάνῳ βαθυφύλλῳ
καὶ παγὰς ωιλέοιμι τὸν ἔγγυθεν ἦχον ἀκούειν,
ἃ τέρπει ψοφέουσα τὸν ἄγριον, οὐχὶ ταράσσει **).

---

*) П. Черняевъ „А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ античныхъ поэтовъ“. Казань 1899.

**) Точный перевод идилліи на русскій языкъ слѣдующій:
Если лазурное море безтрепетно вѣтеръ колышетъ,
Робкою думой стремлюсь я къ нему; земля не мила мнѣ,
Глади морской тишина невольнo къ себѣ привлекаетъ.
Если жъ застонетъ сѣдая пучина и моря поверхность
Гребни валовъ взбороздятъ и длинныя волны помчатся,—

Сличая оригиналь съ переложеніемъ Пушкина, замѣчаемъ, что онъ передалъ его довольно близко; правда, селянинъ Мосха превратился въ самого поэта, отчего при изображеніи его наслажденія тихимъ, спокойнымъ моремъ проглядываетъ новая черта: онъ «забываетъ пѣсни музъ»; картина тихой погоды распространена, впечатлѣніе бури усилено упоминаніемъ о блестящей молніи; наоборотъ, сокращено описаніе контраста въ дѣятельности рыбака и мирной нѣгѣ поселянина: но во всякомъ случаѣ этотъ сравнительно ранній экскурсъ въ область оригинальной античной поэзіи отмѣченъ какъ-бы извѣстною долей уваженія къ оригиналу. Артистическая натура поэта выручила его здѣсь. замѣнивъ изученіе чутьемъ красоты, даннымъ отъ природы. По общему своему тону эта піеса примыкаетъ къ стихотворенію «Примѣты»: въ немъ слышится то же, столь свойственное Пушкину и овладѣвавшее имъ въ спокойныя минуты, чувство душевнаго мира, навѣваемое тихой сельской обстановкой. Поэтъ заимствуетъ для выраженія этого чувства у греческаго пѣвца черты южной природы, подъ чарующимъ вліяніемъ которой Пушкинъ былъ послѣ своего пребыванія въ Гурзуфѣ: но подъ этой обочкой неволью чувствуется, какъ замѣчаетъ Поливановъ, надежная тишина михайловскихъ луговъ, «прямыхъ его бродящею лѣнью».—и идиллія греческаго поэта получаетъ такимъ образомъ въ нашихъ глазахъ новый смыслъ и значеніе.

Къ сушѣ я трепетно жмусь, къ дубравѣ отъ моря бѣгу я.
Здѣсь колы и вихрь пронесется, въ отвѣтъ загудятъ ему
сосны.

Тяжка жизнь рыбака; ладья его домъ ненадежный,
Трудъ его на морѣ зыбкомъ; добыча невѣрная—рыба:
Я жъ сладкимъ сномъ забываюсь подъ тѣнью густою пла-
тана,
Все бы я слушалъ ручей, что по камешкамъ возлѣ стру-
ится:

Онъ селянина журчаньемъ своимъ веселитъ, не пугаетъ.

Переводъ автора статьи.

V.

Ringé, Dichter, nach römischer Kräfft, nach griechischer
Schönheit!

Beides gelang dir..

Griechheit, was war sie? Verstand und Mass und Klar-
heit.

Schiller.

Двухлѣтнее (1824—1826) пребываніе Пушкина въ Михайловскомъ ознаменовано, какъ извѣстно, важнымъ поворотомъ какъ въ его настроеніи, такъ и въ характерѣ творчества. Личныя тревоги и ощущенія. погоня за жизнью, ея радостями и тревогами начинаютъ уступать вдумчивому отношенію къ своему высокому поэтическому призванію: отсюда попытка уяснить себѣ и другимъ значеніе поэта, его роль и мѣсто въ обществѣ. Мало-по-малу у Пушкина. отчасти подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда эстетическихъ теорій, вырабатывается взглядъ на поэта, какъ на служителя красоты, живущаго въ строго замкнутой средѣ искусства, не принадлежащаго толпѣ, не раздѣляющаго ея стремленій и чувствъ, не признающаго и даже презирающаго ея нужды. Къ этому періоду относятся такіа стихотворенія, какъ: «Поэтъ, Поэту, Чернь, Эхо». вмѣстѣ съ тѣмъ въ поэтѣ пробуждается потребность болѣе объективнаго воспроизведенія дѣйствительности: лирика начинаетъ уступать мѣсто эпосу и, наконецъ, драмѣ; Пушкинъ окончателно порываетъ съ Байрономъ, переходитъ къ Шекспиру, изучаетъ Карамзина и начинаетъ знакомиться съ патріархомъ германской поэзіи Гете. *) Въ

---

*) Ср. „Посланіе Пушкину“ Веневитинова, въ которомъ онъ призываетъ пѣвца Байрона и Шенье воспѣть великаго германскаго старца Гёте; подражаніе Гёте въ „Новой сценѣ между Фаустомъ и Мефистофелемъ“ и подарокъ Гёте русскому собрату. Анненк. стр. 177.

области древней поэзіи интересъ къ лирическимъ произведеніямъ Овидія и такимъ подражателямъ-элегикамъ, какъ Шенье, смѣняется изученіемъ историковъ: Тацита, Аврелія Виктора и рядомъ съ этимъ тяготѣніемъ къ греческой поэзіи; мѣсто александрійскаго стиха замѣняетъ гексаметръ и пентаметръ. Съ этого времени начинается, продолжаясь вплоть до самой смерти поэта, третья ступень въ воспроизведеніи имъ древняго міра.— ступень, отмѣченная созданіями нетлѣнной, чисто античной красоты.

Во главѣ этого періода стоятъ три піесы античнаго содержанія, выражающія до извѣстной степени личное настроеніе поэта и написанныя въ теченіе 1825—1829 года: «Алкидъ, Аріонъ, Пенатамъ». *) О первой піесѣ была рѣчь ранѣе при разборѣ подражаній Шенье, при чемъ указано было на ея отношеніе къ семейнымъ обстоятельствамъ жизни Пушкина. Такое же автобіографическое значеніе имѣетъ, несомнѣнно, стихотвореніе «Аріонъ» (1827), въ которомъ подробности древняго мифа не безъ умысла, можетъ быть, измѣнены поэтомъ. Подъ судьбой таинственнаго пѣвца. спасагося отъ бури, которая погубила его товарищей, Пушкинъ разумѣетъ свою собственную молодость, едва не загубленную, благодаря близости его къ политическому кружку декабристовъ, который былъ разбитъ бурей 14 декабря 1825 года и въ которомъ онъ. не будучи никогда непосредственнымъ участникомъ, одно время былъ какъ-бы присяжнымъ пѣвцомъ:

А я — безпечной вѣры полкъ,
Пловцамъ я пѣлъ.

Но это стихотвореніе имѣетъ и болѣе общій смыслъ; въ немъ выражается идея о высокому призваніи поэта,

---

*) Отрывокъ „Критонъ, роскошный гражданинъ“ по своей незначительности не даетъ возможности произнести какое-либо сужденіе.

ставящемъ его, «безпечное дитя природы», подъ особое покровительство Промысла, такъ что съ этой стороны его можно поставить рядомъ съ выше упомянутыми стихотвореніями 1826 года, темой которыхъ служить выясненіе значенія поэта и его дѣятельности. Чисто античнымъ духомъ вѣетъ отъ набросанной на Кавказѣ. недоконченной піесы (1829 г.), которую можно было бы озаглавить «Гимнъ пенатамъ». Вчитываясь въ это стихотвореніе, невольчо проникаешься изумленіемъ, до какой степени Пушкинъ, не знавшій греческаго языка, былъ способенъ усвоить себѣ чисто древне-эллинское міровоззрѣніе. Кажется. будто читаешь произведеніе какого-нибудь поэта-философа времени Сократа, когда народная міеологія перестала уже удовлетворять пытливую фантазію, когда остывшая вѣра подернулась уже туманомъ скептицизма, и мысль передовыхъ людей тщетно старалась создать своихъ боговъ и подыскать для нихъ новую генеалогію.

Внемлите мнѣ, пенаты—вамъ пою
 Отвѣтнй гимнъ, *совѣтники* Зевеса:
 Живете-ль вы въ небесной глубинѣ,
 Иль, божества всевышнія, *всему*,
 По мнѣнью *мудрецовъ*, причина вы,
 И слѣдуетъ торжественно за вами
 Великій Зевсъ съ супругой *волоокой*
 И *мудрая богиня*, дѣва силы,
Аѳинская Паллада—вамъ хвала“.

Правда, въ приведенномъ отрывкѣ съ чисто филологической точки зрѣнія встрѣчается непростительный промахъ—перенесеніе римскихъ «пенатовъ» въ греческую міеологію, но эта вольность или неточность, кстати сказать, встрѣчающаяся даже у архи-язычника Гете, въ значительной степени выкупается такими чисто Гомеровскими эпитетами, какъ: «совѣтники Зевеса», «волоокая Гера», «мудрая богиня, дѣва силы, Аѳинская Паллада». Посвященіе гимна богамъ домашняго очага

имѣть особыя причины, кроющіяся въ тогдашнихъ обстоятельствахъ жизни поэта. Извѣстно, съ какими чувствами поѣхалъ онъ въ 1829 году на Кавказъ. Увлечение Гончаровой, неопредѣленный отвѣтъ, не дававшій ни надежды, ни отказа, вызвали въ немъ еще сильнѣе потребность тихаго семейнаго счастья, исканіе своего собственнаго домашняго очага. И вотъ на чужбинѣ, среди лагерной обстановки, *) поэтъ предается мечтамъ о своемъ прошломъ: онъ вспоминаетъ «свое изгнаніе», «свою пустынную жизнь»,—и образъ «святого пепелища» возстаетъ передъ нимъ съ неудержимой силой. Невольно воображеніе переноситъ его въ родное Михайловское, гдѣ вдали отъ «стада людскаго» онъ предавался уединенной работѣ мысли. «бесѣдуя одинъ съ самимъ собою» и учась не полагаться на мнѣнія толпы, но «читать самого себя», уважая свое собственное человѣческое достоинство. стараясь „быть“, а не „казаться“.

Насколько въ этомъ періодѣ сложилось у Пушкина опредѣленное представленіе объ идеалѣ античной поэзіи, видно изъ его отзыва объ идилліяхъ Дельвига, написаннаго имъ въ 1831 году и приведеннаго мною ранѣе въ первой своей части. „Идилліи Дельвига для меня удивительны; какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ XIX столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чувство изящнаго, дабы такъ *угадать греческую поэзію* сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы: эту *роскошь*, эту *нѣгу*, эту *прелесть* болѣе *отрицательную*, чѣмъ *положительную*, которая не допускаетъ ничего *напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ*“. Это опредѣленіе можно считать классическимъ по его вѣрности и мѣткости: оно удивительно совпадаетъ съ эпи-

---

*) Ср. стихотвореніе „Зорю бьютъ.“ (1829).

графомъ, приведеннымъ въ началѣ этой главы и извлеченнымъ изъ гексаметровъ Шиллера. Продуктами этого окончательно сложившагося взгляда на античную поэзію и виѣстѣ шедеврами его артистическаго вкуса и таланта являются его знаменитые пентаметры. Уже самой формой стихотворнаго размѣра піесы эти напоминаютъ тѣ эпиграммы древности, которыя были въ такомъ ходу какъ въ древней Элладѣ, такъ и въ Птоломеевой Александріи. Это экспромты на какой-либо случай: при взглядѣ на стагую, при чтеніи какого-либо произведенія, посылкѣ какого-нибудь подарка и т. п. Я уже ранѣе имѣлъ случай указать на двустишіе подобнаго рода, которое носитъ заглавіе „Сафо“ и написано еще александрійскимъ стихомъ; сюда точно такъ же можно отнести эпигramму на А. Н. Муравьева, который на вечерѣ у княгини Волконской нечаянно разбилъ руку гипсовой статуи Аполлона Бельведерскаго. Первые три строки этой эпиграммы:

„Лукъ звенить, стрѣла трепещеть,
И клубясь издохъ Пнеонъ,
И твой ликъ побѣдой блещеть,
Бельведерскій Аполлонъ“

дышать необыкновенной энергіей и полны чудной пластичности. Но настоящимъ образомъ и во всѣхъ отношеніяхъ выдержанными въ духѣ древнихъ можно признать слѣдующія произведенія: во-первыхъ, подражанія древнимъ поэгамъ, какъ-то: „Надгробная надпись Θεону, Пиръ, Вино“—все піесы, стоящія рядомъ и относящіяся къ 1833 году: во-вторыхъ, самостоятельныя стихотворенія въ духѣ древнихъ: „Загадка, Гнѣдичу (1829)“, „Царскосельская статуя, Отрокъ, Риема, Трудъ (1830)“, „Юноша, скромно пируй, Юношу горько рыдая, Веселье и грустенъ вхожу (1835)“, „На мальчика, играющаго въ бабки, На мальчика, играющаго въ свайку (1836)“.

Первая изъ этихъ піесъ представляетъ собственно надгробную надпись — эпитафію; она содержится въ сборникѣ извѣстнаго грамматика и софиста первой четверти третьяго вѣка по Р. Х. Атеней ('Αθήναιος, — Δειπνοσοφισταί XV книга), который приписываетъ ее поэту Гедилу. *) Пушкинъ имѣлъ французскій переводъ въ прозѣ въ слѣдующемъ видѣ:

„Théon, le monaule, gît sous ce monument, lui qui faisait même les charmes des Mimes aux orchestres. Skirpalus (son père) ayant déjà perdu la vue de vieillesse, l'eut pour fils. Il se fit présenter cet enfant, célébrant le jour de la naissance de lui, qui eut la main

---

*) Греческій подлинникъ и подстрочный переводъ его таковы:

Ταῦτα Θέων ὁ μόναυλος ὑπ' ἠρίον ὁ γλυκὺς οἰκεῖ
 αὐλητῆς, μίμων κῆν θυμέλῃσι χάρις,
 τυφλὸς ὑπαὶ γήρωσ εἶχεν καὶ Σκίρπαλος υἱόν
 νήπιον ἢδ' ἐκάλει Σκίρπαλος, εὐπαλάμου
 ἀείδων αὐτοῦ τὰ γενέθλια. τοῦτο δ' ἔθηκε
 τοῦνομα, τῆς μολπῆς ἤδυμα σημανέων.
 ἠϋλεὶ δὴ γλεύκει μεμεθυσμένα παίγνια μουσῶν.
 νῆ, τὸν ἐν ἀκρήτοις Βάτταλον ἠδυπότην
 καὶ κότιλον καὶ πάγκαλον. ἀλλὰ Θέωνι
 τῷ καλαμαυλῇ τῇ γ' εἶπατε· χαῖρε Θεών.

Здѣсь подъ могильной плитою флейта Θεонъ обитаетъ,
 Сладкій свирѣли игрокъ, мимовъ въ орхестрѣ краса.
 Нѣкогда Скирпаль слѣпой родилъ себѣ сына подъ ста-
 рость;

Славя рожденье его, Скирпаль младенца призывалъ,
 Имя же далъ онъ такое ему за искусную руку,
 Сладость Θεона игры имъ предрекая впередь.
 Славилъ онъ музъ опьяненныхъ виномъ безпечныя игры,
 Славилъ и Ваттала онъ, мастера пить и шутить,
 Дивной красой одареннаго. Идучи мимо Θεона,
 Славной флейтѣ его молвите: „Здравствуй, Θεонъ!“

Переводъ автора статьи.

si habile, et lui donna ce nom (Théon), pour indiquer par-là, quelle seroit la douceur de ses accens. Théon célébra sur sa flûte les jeux des Muses, animés de la liqueur bacchique: que dis-je, au milieu des cratères de vin pûr il célébra Battalus, cet agréable buveur, cet enjoué Battalus, ce beau Battalus. Dites donc. en passant, au Calamaulète Théon; „Bonjour, Théon!“ *)

Сличая подлинникъ, французскій переводъ и стихотвореніе Пушкина, приходишь къ заключенію, что поэтъ по далеко несовершенной копіи сумѣлъ уловить и передать подлинникъ лучше, живѣе и, по духу, даже ближе, чѣмъ переводчикъ, владѣвшій языкомъ и не стѣсненный стихотворнымъ размѣромъ. Какъ искусно умѣетъ поэтъ сократитъ представленія, вызываемыя подлинникомъ, не только не нарушая, но даже усиливая впечатлѣніе. Такъ напримѣръ, три стиха подлинника (4—6), изображающіе, какъ отецъ зоветъ сына на праздникъ рожденія и въ присутствіи гостей даетъ ему имя „Ѳеонъ“, желая предречь его будущую славу, Пушкинъ передаетъ однимъ эпитетомъ „вдохновенный“, и одно это слово рисуется передъ нами и радость убѣленнаго сѣдинами старца, когда онъ держитъ въ рукахъ своего первенца сына, и его пророческое прозрѣніе, угадавшее въ этотъ моментъ будущую судьбу мальчика. Какъ понимаетъ онъ чувство мѣры. не позволяющее ему воспользоваться патетическимъ восклицаніемъ французскаго переводчика: *qué dis-je* и риторическимъ троекратнымъ повтореніемъ имени Ваттала; вмѣсто этого онъ предпочитаетъ сократитъ представленіе объ этомъ Ватталѣ, указавъ на самое важное: «Ватталъ былъ молодой красавецъ».

---

*) *Banquet des savans, par Athenée. Traduit tant sur les textes imprimés, que sur plusieurs manuscrits, par M. Lefebure de Villebrune. A Paris, chez Lamy, de l'imprimerie de Monsieur. MDCCLXXXIX.*

Вмѣстѣ выходитьъ. что Θεонъ воспѣвалъ: вино, поэзію. любовь. Все существенное схвачено, ни одна изъ дѣйствительныхъ красотъ подлинника не опущена, а піеса вышла короче на четыре стиха. — Слѣдующее стихотвореніе «Пиръ» заимствовано изъ Ксенофана Колофонскаго, греческаго поэта-философа, жившаго въ VI вѣкѣ до Р. X. Оригиналъ Пушкина неизвѣстенъ, греческій подлинникъ читается слѣдующимъ образомъ:

Nûn γὰρ δὴ ζάπεδον καθαρὸν καὶ χεῖρες ἀπάντων
καὶ κύλικες, πλεκτοὺς δ' ἀμφιτιθεῖ στεφάνους,
ἄλλος δ' εὐώδες μύρον ἐν φιάλῃ πορσύνει.
κράτηρ δ' ἔστηκεν μεστός ἐυφροσύνης.
ἄλλος δ' οἶνος ἐτοῖμος, ὃς οὐποτε φησι προδώσειν,
μείλιχος ἐν κεράμοις, ἄνθεος ὀσδόμενος.
ἐν δὲ μέσοις ἀγνήν ὀδμὴν λιβανωτὸς ἴησιν,
ψυχρὸν δ' ἔστιν ὕδωρ καὶ γλυκὺ καὶ καθαρὸν.
πάρκεινται δ' ἄρτοι Ξανθοὶ γεραρὴ τε τράπεζα
τυροῦ καὶ μέλιτος πίονος ἀχθομένη
βωμὸς δ' ἄνθεσιν ἂν τὸ μέσον πάντῃ πεπύκασται,
μολπὴ δ' ἀμφὶς ἔχει δώματα καὶ θαλίη.
χρὴ δὲ πρῶτον μὲν θεὸν ὑμνεῖν εὐφρονας ἀνδρας,
εὐφήμοις μύθοις καὶ καθαροῖσι λόγοις.
σπεισαντας δὲ καὶ εὐξαμένους τὰ δίκαια δύνασθαι
πρήσσειν· ταῦτα γὰρ ὧν ἔστι προχειρότερον,
οὐχ ὕβρις,—πίνειν ὅποσον κεν ἔχουν ἀφίκοιτο
οἴκαδ' ἄνευ προπόλου, μὴ πάνυ γηραλέος·
ἀνδρῶν δ' αἰνεῖν τοῦτον, ὃς ἐσθλά πῶν ἀναφαίνει,
ὡς οἱ μνημόσυν' ἦ, καὶ τόν, ὃς ἀμφ' ἀρετῆς
οὔτι μάχας διέπει Τιτῆνων οὐδὲ Γιγάντων,
οὐδ' αὖ Κενταύρων πλάσματα τῶν προτέρων,
ἦ στάσιας σφεδανάς· τοῖς οὐδέν χρηστὸν ἔνεστιν·
θεῶν δὲ προμηθεῖην αἰὲν ἔχειν ἀγαθόν *).

*) Русскій переводъ:

Вотъ уже вычищенъ полъ и вымыты руки и чаши;
Отрокъ гостямъ на главы ужъ полагаетъ вѣнки,
Отрокъ другой благовонную мирру въ фιάлѣ разноситъ
И ужъ поставленъ на столъ, взора услада, кратеръ;
Тамъ въ кувшинахъ вино принесено,—она не изсякнетъ,
Сладкая влага, букетъ крѣпкій повсюду разлить.

Пушкинъ перевелъ пьесу гексаметромъ и сократилъ ее почти наполовину, исключивъ все, что отзывается прозою. «Онъ смягчилъ и дидактизмъ подлинника, говоритъ въ комментаріи къ этой пьесѣ Л. Поливановъ, значительно отступивъ въ концѣ пьесы отъ наставленій Ксенофана. Сохранивъ требованіе молитвы о правдѣ, все остальное наставленіе Пушкинъ заключилъ въ одномъ выразительномъ послѣднемъ стихѣ. Въ самой картинѣ приготовленной къ пиру залы переводъ пластичнѣе подлинника. Исключительно описательный приѣмъ Ксенофана искусно оживленъ изображеніемъ гостей въ ожиданіи пира (ст. 2 и 3), отчего стихотвореніе выигрываетъ еще болѣе въ изобразительности. Но эти незначительныя отступленія, сверхъ того, придали произведенію еще одно болѣе важное достоинство. Двумя-тремя легкими чертами выразивъ нетерпѣніе собравшихся гостей. Пушкинъ омыслилъ весь поучитель-

---

Ладанъ въ срединѣ курясь, благовоніемъ залъ наполняетъ,
Блещеть съ студеной водой—чистой и вкусной—сосудъ.
Хлѣбы лежать золотясь, трапеза честная погнулась
Тяжестью сыра, и медь сотовый рядомъ лежитъ.
Жертвенникъ, убранъ цвѣтами, въ срединѣ стоитъ изукрашенъ,

Пляска и пѣнье вокругъ—полонъ веселья весь домъ.
Должно вначалѣ боговъ восхвалить мужамъ благонаравнымъ,
Святость сказаній храня, чистою рѣчью почтѣвъ,
И, воздѣвъ свершая, молиться, да будемъ мы въ силахъ
Добрыя дѣлать дѣла: легче творить ихъ, чѣмъ зло.
Пить же затѣмъ лишь настолько, чтобъ каждый домой
возвратился,

Не опираясь на слугъ,—развѣ ужъ очень онъ старъ.
А на ниру похвалятъ лишь того, кто рѣчи честныя
Про добродѣтель ведетъ—славу и память о ней;
Не за рассказы хвалить про битвы Титановъ, Гигантовъ
Или Кентавровъ—время то побасенки былыхъ—
Или про страшныя распри: въ нихъ толеу нѣтъ ни на
іоту,

Намъ же полезно всегда благодѣть боговъ вспоминая.

Переводъ автора статьи.

ный монологъ поэта. Послѣ изображенія гостей, ищущихъ зауряднаго чувственнаго наслажденія, рѣчь хозяина является кстати. При томъ Пушкинъ вложилъ въ уста мудраго хозяина рѣчь дружескую, чуждую всякаго ригоризма. Это — мудрецъ добродушный: онъ близокъ гостямъ своимъ, но читатель чувствуетъ его «необщее» выраженіе и вѣрить въ силу его слова болѣе, нежели въ холодную проповѣдь Ксенофана. Такимъ образомъ въ небольшомъ отрывкѣ выступаютъ передъ нами лица гостей и не менѣе живой мудрецъ — хозяинъ. Ни того, ни другого нѣтъ въ греческомъ подлинникѣ». — Третье подражательное стихотвореніе заимствовано Пушкинымъ у греческаго поэта V вѣка до Р. Х. Иона Хиоскаго. Оригиналъ Пушкина неизвѣстенъ, но греческій подлинникъ, заключающійся въ отрывкѣ въ четыре стиха — такъ называемый диоирамбъ—и читаемый слѣдующимъ образомъ:

. . . . . Ἄδαμον

παῖδα, ταυριπὸν, νέον οὐ νέον, ἥδιστον πρόπολον
βαρυγδοῦπων ἐρώτων, οἶνον ἀερσίνοον,
ἀνθρώπων πρῦτανιν,

Пушкинъ передалъ настолькоъ близко, что это дѣлаетъ излишнимъ всякій другой переводъ:

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добронравнѣй,
Шумный зачинщикъ обидъ, милый заступникъ любви.

Художественность приѣма наблюдается здѣсь въ группировкѣ эпитетовъ, видоизмѣненной сравнительно съ подлинникомъ: руководимый контрастомъ двухъ первыхъ эпитетовъ «дитя», «старикъ», Пушкинъ прибѣгъ къ такому же приѣму и во второмъ стихѣ, сопоставивъ два противоположныя свойства вина, какъ «зачинщика обидъ» и какъ «заступника любви»; въ силу такого распредѣленія опредѣленіе «шумный» (βαρυγδοῦπος) само собой отошло къ первому, а при второмъ осталось противоположное ему понятіе «милый» (ἥδιστος), тогда

какъ въ греческомъ оба опредѣленія поставлены рядомъ и отнесены къ эротическому элементу. Такимъ образомъ рука художника-мастера сказала и здѣсь.

Вообще Пушкинъ по природѣ своей никакъ не могъ быть простымъ переводчикомъ: онъ слишкомъ сживался съ чужимъ оригиналомъ, такъ что не могъ отдѣлить его отъ продуктовъ собственной творческой фантазіи, не могъ работать шагъ за шагомъ, переводить стихъ за стихомъ, кропотливо подыскивая подходящее выраженіе, воссоздавая тождественные образы. Когда онъ творилъ, то оригинала уже не существовало передъ его глазами: онъ воспринялъ его въ себя, слился съ нимъ и, объятый этими представленіями, окруженный этими образами, онъ бессознательно начиналъ повторять работу поэта-оригинала, переживая то, что тотъ переживалъ и чувствовалъ; все чуждое, налипшее, если онъ получилъ матеріалъ, такъ сказать, изъ вторыхъ рукъ, передъ нимъ само собой отпадало, сквозь слабую копію онъ прозрѣвалъ первоначальную красоту оригинала, и древній отрывокъ выливался въ новую форму, полную такого удивительнаго гармоническаго сочетанія частей и цѣлаго, что смотришь и сравниваешь оригиналъ,—и иной разъ невольно отдаешь предпочтеніе этой дивной «реставраціи».

Изъ самостоятельныхъ попытокъ Пушкина въ области антологіи ближе другихъ къ только-что разобраннѣмъ стихотвореніямъ подходятъ двѣ слѣдующія піесы: «Юноша, скромно пируй» и «Юношу, горько рыдая». Про первое двустопное, написанное пентаметромъ, можно сказать, что оно содержаніемъ напоминаетъ «Пиръ» Ксенофана, а формой «Вино» Іона Хіосскаго; впрочемъ, оно не представляетъ чего-либо особеннаго. За то вторая піеса принадлежитъ къ самымъ граціознымъ твореніямъ Пушкина въ антологическомъ родѣ. Бѣлинскій въ своемъ отзывѣ (1841) ставитъ ее на ряду съ піесами «Нереида». «Пиръ», какъ образецъ произведеній въ

антологическомъ родѣ, въ которыхъ «дивная гармонія стиха сочеталась съ самымъ роскошнымъ пластицизмомъ образовъ: это мраморныя изваянія, которыя дышатъ музыкой... эти три піесы могутъ «служить идеаломъ антологической поэзіи».—Далеко не такъ благосклонно отзывается Бѣлинскій о двухъ другихъ пентаметрахъ Пушкина: «Гнѣдичу». по поводу его Илиады и «Дельвигу», при посылкѣ ему бронзоваго сфинкса; онъ называетъ ихъ просто «неудачными». Но съ этимъ отзывомъ можно согласиться лишь наполовину; дѣйствительно, эпиграмма, обращенная къ Дельвигу, «Кто на снѣгахъ возрастилъ Теокрытовы нѣжныя розы?» и т. д., имѣетъ мало достоинствъ и по вычурности выраженія и по отсутствію обычной силы и пластичности стиха, но двусстишіе на Илиаду Гнѣдича:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой,

достойно стать въ ряду лучшихъ эпиграммъ нашего поэта: такъ образно выражена въ ней сила глубокаго впечатлѣнія. произведеннаго на Пушкина появленіемъ труда Гнѣдича. который онъ привѣтствовалъ однимъ изъ первыхъ, называя его «совершеніемъ единаго. высокаго подвига“ *). Да и самъ Бѣлинскій въ статьѣ о Гнѣдичѣ приводитъ это двусстишіе „не какъ пустой комплиментъ, но какъ глубоко истинную передачу производимаго этимъ переводомъ впечатлѣнія“.

Но уже положительно къ разряду лучшихъ Пушкинскихъ піесъ относятся его эпиграммы на „Царско-сельскую статую“, на „Мальчика. играющаго въ бабки“. на „Мальчика, играющаго въ свайку“. Первая написана въ Болдинѣ (1830). вторая и третья за годъ

---

*) См. замѣтку Пушкина въ „Литературной Газетѣ“, 1830 г., письмо къ Гнѣдичу (1830); ср. также стихотвореніе Пушкина, обращенное къ Императору Николаю I: „Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ“.

до смерти поэта въ Петербургѣ. Предметомъ первой эпиграммы послужила одна изъ фонтанныхъ статуй, изображающая дѣву надъ разбитою урной: противопоставленіе вѣчной печали на ея лицѣ съ вѣчно льющима каскадомъ воды необыкновенно образно и граціозно. Двѣ другія эпиграммы посвящены двумъ произведеніямъ русскихъ ваятелей Н. С. Пименова и Н. Логановскаго, обратившимъ на себя общее вниманіе на выставкѣ Академіи Художествъ въ октябрѣ 1836 года. Мысленно сопоставляя эпиграммы со статуями, невольно припоминаешь ученіе Лессинга въ его „Лаокоонѣ“ о средствахъ изобразительности въ поэзіи и скульптурѣ *). Сюжетъ статуи въ первой эпиграммѣ выраженъ въ словахъ:.... „Наклонился. рукой о колѣно бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кисть; вотъ ужъ прицѣлился“ .. ; но поэтъ, инстинктивно чувствуя, что границы поэзіи въ данномъ случаѣ должны бытъ гораздо шире, нежели скульптуры. захватываетъ также предыдущій и послѣдующій моменты, характеризуя первый словами: „юноша, трижды шагнувъ“ и указывая на второй обращеніемъ къ воображаемой толпѣ, окружившей играющихъ: „Прочь! раздавайся, народъ любопытный“, при чемъ добавленіе: „не мѣшай русской удалой игрѣ“ довольно характерно отмѣчаетъ то народное направленіе, которое

---

*) Разумѣются слѣдующія мѣста: С. III. „Kann der Künstler von der immer veränderlichen Natur nie mehr als einen einzigen Augenblick ... brauchen; sind aber seine Werke gemacht, nicht bloss erblickt, sondern betrachtet zu werden, lange und wiederholtermassen betrachtet zu werden; so ist es gewiss, dass jener einzige Augenblick.. nicht fruchtbar genug gewählt werden kann. Dasjenige aber nur allein ist fruchtbar, was der Einbildungskraft freies Spiel lässt“. Cap. IV. „Nichts notiget den Dichter sein Gemälde in einen einzigen Augenblick zu konzentriren. Er nimmt jede seiner Handlungen, wenn er will, bei ihrem Ursprunge auf und Ehrt sie durch alle mögliche Abänderungen bis zu ihrer fundschaft“.

космополитическая муза поэта приняла за послѣдніе годы. Не менѣе красива вторая эпиграмма; надо только вникнуть. какое тонкое пониманіе пластической красоты обнаруживаетъ слѣдующій стихъ съ его текущими другъ за другомъ эпитетами: „Юноша. полный красоты, напряженья, усилія чуждый. строень, легокъ и могучь“; да, эта фигурка, дѣйствительно. подѣ пару „Дискоболу“, и поэтъ чудно закруглилъ и заключилъ впечатлѣніе этимъ сравненіемъ русскаго молодца съ античнымъ идеаломъ мужской красоты и граціи.

Кромѣ выше упомянутой эпиграммы на „Царскосельскую статую“ пребыванію поэта въ Болдинѣ, отличающемуся необыкновенной плодовитостью, обязаны мы еще тремя антологическими піесами: „Отрокъ. Риема. Трудъ“. Первая посвящена судьбѣ гениальнаго русскаго помора Ломоносова: это своего рода особая антологическая піеса, освобожденная отъ всякой античной одежды и тѣмъ не менѣе дышащая чисто античной прелестью. Образы здѣсь скорѣе евангельскіе, равно какъ и слова взяты изъ церковно-славянскаго языка: „по берегу, мрежи, уловлять“. По этой миниатюрной піесѣ можно судить, до какой высоты поднялся гений Пушкина: онъ всосалъ въ себя античную поэзію, прѣтворивъ ее. и она выливалась изъ-подъ пера его. какъ что-то его собственное, потерявъ все узко-національное, но сохранивъ тѣ общечеловѣческія черты. которыя именно и составляютъ наибольшую и вѣчную цѣнность какъ древней культуры вообще, такъ и древней поэзіи въ частности. Такой поэтъ могъ съ полнымъ правомъ сказать о себѣ, что въ мірѣ звуковъ „онъ—царь!“ Еще болѣе удивительную живчивость въ древнюю поэзію обнаруживаетъ слѣдующая піеса „Риема“. Здѣсь Пушкинъ является самостоятельнымъ творцомъ мифа, всѣ малѣйшія частности котораго выдержаны въ такомъ строго-эллинскомъ стилѣ, что. пожелаеи онъ выдать ее за подражаніе какому-либо греческому поэту, мы легко могли бы попасть на

удочку, подобно тому какъ это произошло съ англичаниномъ Ченстономъ. фиктивнымъ авторомъ „Скупого рыцаря“. Къ счастью намъ хорошо извѣстна исторія этого стихотворенія. Пушкинъ въ минуту вдохновенія, пишучи Полтаву (1828). набросалъ стихотвореніе о риѣмѣ; въ немъ заключался слѣдующій отрывокъ, содержащій „родословную“ риѣмы и послужившій основаніемъ для созданія даннаго произведенія:

„Фебъ однажды у Адмета,
 Близъ тѣнистаго Тайгета
 Стадо пасъ, угрюмъ и сиръ.
 Онъ бродилъ во мракѣ лѣса,
 И никто, страшась Зевеса,
 Изъ боговъ или богинь
 Навѣщать его не смѣли,—
 Бога лиры и свирѣли,
 Бога свѣта и стиховъ!
 Помня первыя свиданья,
 Утолить его страданья
 Мнемозина притекла,
 И подруга Аполлона
 Въ (тихой) рошѣ Геликона
 (Мучась риѣму) родила“.

Впослѣдствіи изъ этого отрывка въ легкомъ вкусѣ Парни Пушкинъ создалъ чудную антологическую піесу. полную пластичной красоты, закругленности и законченности, окруживъ ее цѣлымъ сонмомъ мифологическихъ образовъ:

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеней.
 Фебъ, увидѣвъ ее, страстію къ ней воспылалъ.
 Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога;
 Межъ говорливыхъ наядъ, мучась, она родила
 Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина.
 Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь Аонидъ,
 Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
 Музамъ мила; на землѣ Риѣмой зовется она.

Четвертая по счету Болдинская піеса антологическаго характера „Трудъ“ переноситъ насъ снова въ сферу личныхъ творческихъ ощущеній поэта:

„Мигъ вождедѣйный насталь. Оконченъ мой трудъ
многолѣтній.

Что жъ непонятная грусть тайно тревожить меня?
и т. д.

Кому незнакомо это чувство, которое овладѣваетъ человѣкомъ по окончаніи труда, съ которымъ онъ успѣлъ свыкнуться, за которымъ провелъ столько счастливыхъ минутъ! Жаль расстаться съ своимъ дѣтищемъ, чувствуешь какую-то тоску, одиночество. точно отрѣзываешь часть себя самого. Интересъ стихотворенія въ данномъ случаѣ увеличивается еще оттого, что здѣсь мы съ „многолѣтнимъ трудомъ“ можемъ связать опредѣленное, конкретное представленіе. Изъ письма къ Плетневу по возвращеніи въ Москву отъ 29 сентября 1830 года мы знаемъ, что Пушкинъ въ Болдинѣ какъ разъ окончилъ „двѣ послѣднія главы Онѣгина, приготовивъ ихъ къ печати:“ съ другой стороны извѣстно, что Пушкинъ ни съ однимъ изъ своихъ произведеній настолько не сросся и не свыкся. какъ именно съ этимъ романомъ: „Еще долго послѣ окончанія Онѣгина, говоритъ Анненковъ *), Пушкина влекло къ нему противъ воли. Поэту нашему не доставало какъ-будто своего постояннаго труда. съ которымъ онъ сжился въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Онъ жалѣлъ о романѣ и скучалъ по немъ“. Совпаденіе времени и настроенія, лежащаго въ основѣ піесы, заставляютъ съ большою вѣроятностію предполагать, что „многолѣтній трудъ“ есть не что иное, какъ этотъ начатый еще въ 1822 году и оконченный въ Болдинѣ въ 1830 году романъ. Такимъ образомъ піеса „Трудъ“ является своего рода послѣсловіемъ къ „Евгенію Онѣгину“.

Элегическимъ настроеніемъ проникнуто стихотвореніе 1836 г. „Художнику“, начинающееся словами: „Грусть и веселье вхожу“. Извѣстно, что оно относится

*) Стр. 333.

къ профессору скульптуры Императорской Академіи Художествъ С. И. Гальбергу, дѣлавшему бюстъ Пушкина. Воспоминаніе о покойномъ Дельвигѣ, другѣ юности, необыкновенно смягчаетъ тоны этой вначалѣ совершенно „мраморной“ піесы и сообщаетъ ей высокую „человѣчную“ прелесть, озаряющую ее какимъ-то кроткимъ, лучезарнымъ сіяніемъ.

VI.

Ты правъ, творишь ты для немногихъ.

Стих. Пушкина.

Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ піесенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ.

Египетскія Ночи.

Во время пребыванія въ Михайловскомъ въ 1825 году Пушкину, среди его занятій римскими историками, случилось прочитать у Аврелія Виктора писателя IV вѣка по Р. Х., извѣстіе „будто египетская царица Клеопатра назначила смерть цѣною своей любви и будто нашлись обожатели, которыхъ такое условіе не испугало и не отвратило“ *). Эта замѣтка настолько заинтересовала поэта, что тогда же внушила ему стихотвореніе „Чертогъ сіялъ“. Изученіе Тацита еще усилило впечатлѣнія, полученныя отъ древняго міра, и мало-помалу у поэта зародилась мысль написать повѣсть изъ древняго быта, вложивъ въ нее извѣстную идею, имѣющую значеніе и для современной жизни. Повѣсть эту Пушкинъ задумалъ написать въ стихахъ и въ прозѣ:

---

*) Ср. Египетскія Ночи, гл. 3.

одно время, онъ, повидимому, забылъ о своемъ намѣреніи. но въ послѣдніе годы сталъ съ особой энергіей заготовлять для нея матеріалы.

Слѣдами этой предварительной работы является. во-первыхъ. цѣлый рядъ антологическихъ піесъ Пушкина въ духѣ Анакреонта и отчасти римскихъ лириковъ. Въ подражаніе первому написаны: «Кобылица молодая» (1828). «Узнаемъ коней ретивыхъ». «Порѣдѣли побѣлѣли». «Что же сухо въ чашѣ дно?» «Богъ веселый винограда», «Отъ меня вечеръ Леила»; подъ вліяніемъ вторыхъ возникли піесы: «Мальчику». «Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ». За исключеніемъ первой изъ перечисленныхъ піесъ остальные относятся къ 1835 году, при чемъ піесы. носящія слѣды подражанія Анакреонту, помѣчены даже однимъ днемъ 6-го января *). Эта помѣтка чрезвычайно характерна и важна для опредѣленія цѣнности этихъ стихогвореній. Очевидно. это не что иное. какъ эскизы. набросанные поэтомъ въ минуту вдохновенія въ предположеніи вставить ихъ. когда потребуются, на надлежащемъ мѣстѣ. Оттого настоящей смыслъ ихъ и значеніе еще только in spe: вѣроятно. многія изъ нихъ Пушкинъ заготовлялъ про всякій случай. набрасывая вчернѣ, такъ чтобы потомъ не жаль было ихъ и бросить; другія. наоборотъ, тщательно отдѣлывалъ, заранѣе рѣшивъ, что помѣститъ ихъ въ своей повѣсти. Къ числу первыхъ принадлежитъ, наприимѣръ, отмѣченная еще Бѣлинскимъ. какъ весьма слабая піеса, «Леила»; къ числу послѣднихъ. какъ мы можемъ судить по сохранившимся отрывкамъ повѣсти, «Подражаніе Горацию» и изъ подражаній Анакреонту «Узнаемъ коней ретивыхъ». Естественно, что значеніе этихъ піесъ, когда онѣ стоятъ въ отдѣльности, а не въ рамкахъ повѣсти.

---

*) Анненковъ сообщаетъ, кромѣ того, что всѣ эти піесы были найдены имъ въ одномъ конвертѣ, вложенныя въ него рукою самого поэта.

должно ступшевываться: оттого онѣ для большой публики, по вѣрному замѣчанію Анненкова, прямо пропадали. поражая читателей, незнакомыхъ съ ихъ исторіей. слабостью стиха и отдѣлки да, пожалуй. и кажущейся ихъ безсодержательностью.

Но въ глазахъ изслѣдователя исторіи литературныхъ произведеній Пушкина и эти піесы имѣютъ свое самостоятельное значеніе. Здѣсь прежде всего останавливаются вниманіе піесы, представляющія подражаніе Анакреонту. Анакреонтическія стихотворенія пріобрѣли право гражданства въ русской литературѣ еще со временъ Ломоносова и Державина; Пушкинъ въ молодости также отдалъ дань уваженія поэту вина и любви:

„Подайте гроздь Анакреона:
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерона,

говоритъ онъ въ своемъ поэгическомъ „Завѣщаніи“ (1816). Памяти греческаго поэта посвящены два стихотворенія: „Грѣбъ Анакреона“ (1815) и „Фіаль Анакреона“ (1816). Первое изъ нихъ представляетъ подражаніе Парни. второе. написанное трехстопнымъ ямбомъ съ женскимъ окончаніемъ, напоминаетъ и по складу рѣчи и по размѣру такъ называемая въ греческой лигературѣ Анакреонтеа; по содержанію оно представляетъ своего рода контрастъ со стихотвореніемъ: „Средь полуночнаго часа, какъ Медвѣдица вращалась“ *), гдѣ говорится про поэта, пріютившаго промокшаго малютку—Эрота и потомъ страдающаго огъ его стрѣлъ. Тѣмъ же менѣе и эта піеса носитъ на себѣ слѣды французской салонной литературы: „уборная“ у Венеры описана уже черезчуръ по современному; общій тонъ стихотворенія лишень той простоты, естественности и наивности, которыя такъ привлекаютъ въ анакреонтической поэзи.

*) Μεσονυκτίαις ποτ' ἔραις—Od. 31.

Настоящій тонъ удалось схватить Пушкину позднѣе — въ стихотвореніи 1828 года „Кобылица“, написанномъ во время пребыванія его въ Малинникахъ, вдали отъ шума жизни. среди любимой имъ сельской тишины и уединенія, и представляющемъ переложеніе пѣсни. которая приписывается самому поэту Анакреонту. Въ оригиналѣ піеса читается слѣдующимъ образомъ:

Πᾶλε θρηκίη, τί δὴ με λοξὸν ὄμμασι βλέπουσα
νηλεῶς φεύγεις, δοκέεις δέ μ' οὐδὲν εἰδέναι σοφόν;
ισθι τοι καλῶς, μὲν ἄν τοι τὸν χαλινὸν ἐμβάλοιμι,
ἤνϊας δ' ἔχων στρέφοιμι σ' ἀμφὶ τέρματα δρόμου.
νῦν δὲ λειμῶνάς τε βόσκειαι κοῦφά τε σκιρτῶσα παίζεις.
δεξιὸν γὰρ ἵπποσειρήν οὐκ ἔχεις ἐπεμβάτην *).

Пушкинъ далъ не переводъ, но подражаніе,—но посмотрите. что онъ сдѣлалъ! что можетъ быть лучше этихъ стиховъ, такъ живо рисующихъ дикаго, пугливаго, степного коня, когда онъ чувствуетъ, что его волѣ приходитъ конецъ:

„Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи“.

На послѣдній стихъ вѣтъ и намекъ въ подлинникѣ, но, вѣроятно, и самъ Анакреонтъ дорого бы далъ, чтобы имѣть его. Есть въ піесѣ и еще перемѣна, придающая ей до извѣстной степени русскій обликъ: кобылица Пушкина приведена не изъ аракійскихъ. а изъ кавказскихъ табуновъ.

Въ переложеніи 55 оды „Узнаемъ коней ретивыхъ“,

*) Близкій къ подлиннику переводъ А. Баженова:

Что, аракійская лошадка, на меня такъ косо смотришь?
И, съ презрѣньемъ отбѣгая, за неловкаго сочла?

Знай же: я еще сумѣю на тебя узду накинуть
И вожжей тебя заставлю по ристалищу бѣжать.

Ты теперь въ лугахъ наседься, рѣзво прыгаешь и скачешь,
Потому что не нашелся ловкій всадникъ для тебя.

также относимой къ числу Анакреонтеа и помѣщенной Пушкинымъ, какъ было сказано выше, въ первомъ отрывкѣ изъ древнеримской повѣсти. поэтъ слѣдуетъ греческому подлиннику довольно близко:

Ἐν ἰσχύοις μὲν ἵπποι
πυρὸς χάραγμ' ἔχουσιν.
καὶ Παρθίους τις ἄνδρας
ἐγνώρισεν τιάραις.
ἐγὼ δὲ τοὺς ἐρῶντας
ἰδὼν ἐπίσταμ' εὐθύς·
ἔχουσι γάρ τι λεπτόν
ψυχῆς ἔσω χάραγμα *)

Два послѣдніе стиха Пушкинъ измѣняетъ по своему:

„Въ нихъ сіяетъ пламень томный,
Наслажденья знакъ нескромный“,—

и піеса, если и теряетъ оттого нѣсколько въ граціозности (въ оригиналѣ указывается на внутреннее затаенное чувство, невольно проскальзывающее наружу). за то много выигрываетъ въ ясности и законченности.—Довольно близко къ подлиннику переложена ода 41, приписываемая также самому Анакреонту. Вотъ ея греческій текстъ:

Πολιοὶ μὲν ἡμῖν ἤδη κρόταφοι κάρη τε λευκόν,
χαρίεσσα δ' οὐκέτ' ἤδη πάρα, γηράλεοι δ' ὀδόντες.
γλυκεροῦ δ' οὐκέτι πολλὸς βίотου χρόνος λέλειπται.

---

*) Вполнѣ точный переводъ оды, сдѣланный Меемъ:
Конямъ тавро на бедрахъ
Желѣзомъ выжигаютъ;
Парочьянъ при первомъ взглядѣ
По ихъ тиарамъ знаютъ
А я взглянувъ влюбленныхъ
Узнать умѣю разомъ:
У нихъ на сердцѣ мѣтка,
Чуть видимая глазомъ.

διὰ ταῦτ' ἀνασταλύζω θαμὰ Τάρταρον δεδοικώς.
 *Αἶδew γάρ ἐστι δεινὸς μυχός, ἀργαλέη δ' ἐς αὐτόν
 κάθοδος καὶ γὰρ ἐτοῖμον καταβάντι μὴ ἀναβῆναι *).

Но Пушкинъ сказался и тутъ: „ослабѣвшіе въ деснахъ зубы“ и „потухшій огонь очей“ это его собственные образы, лишній разъ подтверждающіе. что геній виденъ всюду, какихъ бы мелочей. какихъ бы пустяковъ онъ ни коснулся. — Ода 62 „Что-же сухо въ чашѣ дно?“ значительно сокращена Пушкинымъ. Въ подлинникѣ она читается такимъ образомъ:

* Ἄγε δέ, φέρ' ἡμῖν, ὦ παῖ,
 κέλεβην, ὅπως ἄμυστιν
 προπίω, τὰ μὲν δέκ' ἐγχείας
 ὕδατος, τὰ πέντε δ' οἴνου
 κυάθους, ὡς ἀνυβριστί
 ἀνά δηῦτε βασσαρήσω.

* Ἄγε δηῦτε μηκέθ' οὔτω
 παταγῶ τε κάλαρητῶ
 Σκυθικὴν πόσιν παρ' οἴνοφ
 μελετώμεν, ἀλλὰ καλοῖς
 ὑποπίνοντες ἐν ὕμνοις **)

*) Переводъ Бажанова:

У меня виски сѣдны, голова вся побѣдѣла,
 Зубы стары, и ужъ юность безвозвратно улетѣла.
 Мнѣ теперь уже немного жить осталось наслаждаясь;
 Потому-то я такъ часто плачу, тартара пугаясь.
 Глубина его ужасна, входъ въ него не огорожень,
 Но вошедшему оттуда уже выходъ невозможенъ.

**) Переводъ Мея:

Отрокъ, дай большую чашу—
 Вдоволь пить хочу изъ ней—
 Но воды кіаѳовъ десять,
 А вина лишь пять налей,
 Чтобы принялъ благосклонно
 Возліянье Бриарей.

.....
 Что жъ ты? лей вино скорѣ!
 Мы сумѣемъ избѣжать

По содержанию эта ода представляет противоположность съ піесой „Мальчику“. заимствованной изъ 27-го стихотворенія Катулла:

Minister vetuli puer Falerni,
Inger mi calices amariores,
Ut lex Postumiae iubet magistrae,
Ebrioso acino ebriosioris.
At vos quo iubet hinc abite lymphae,
Vini pernicies, et ad severos
Migrate. hic merus est Thyonianus.

Это стихотвореніе передано Пушкинымъ настолько точно и близко къ подлиннику. что и въ этомъ смыслѣ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Существованіе этой піесы на ряду съ ранѣ приведеннымъ стихотвореніемъ Анакреонта, на мой взглядъ, еще болѣе подтверждаетъ догадку, что все это лишь подготовительные эскизы. мелодіи въ разныхъ тонахъ, которыя пробовалъ поэтъ, готовясь къ задуманной имъ повѣсти. Къ той же категоріи относятся и самостоятельныя попытки въ этомъ родѣ, каковы: «Богъ веселый винограда», «Леила».

Особымъ достоинствомъ изъ серіи мелкихъ піесъ, предназначенныхъ поэтомъ украшать страницы его повѣсти, отличается переложеніе седьмой оды II книги Горация, извѣстной подъ заглавіемъ „Ad Pompeium Vagum“. Въ подлинникѣ ода читается такъ:

O saepe mecum tempus in ultimum
Deducte, Bruto militiae duce,
Quis te redonavit Qui item
Dis patriis Italoque coelo?
Pompei, meorum prime sodalium,
Cum quo morantem saepe diem mero
Fregi, coronatus nitentes

Ссоръ и пьяныхъ криковъ скиновъ
И за полной чашей ставемъ
Гимнъ согласный воспѣвать.

Malobathro Syrio capillos?
Tecum Philippus et celerem fugam
Sensi,† relicta non bene parmula,
Cum fracta virtus et minaces
Turpe solum tetigere mento.
Sed me per hostes Mercurius celer
Denso paventem sustulit aëre;
Te rursus in bellum resorbens
Unda fretis tulit aestuosis.
Ergo obligatam redde Iovi dapem,
Longaque fessum militia latus
Depone sub lauru mea nec
Parce cadis tibi destinatis.
Oblivioso levia Massico
Ciboria exple, fuude capacibus
Unguenta de conchis. Quis udo
Deproperare apio coronas
Curatve myrto? Quem Venus arbitrum
Dicet bibendi? Non ego sanius
Bacchabor Edonis: recepto
Dulce mihi furere est amico *).

---

*) Переводъ Фета:

О ты, не разъ со мной встрѣчавшій смерти видъ,
Когда насъ Брутъ водилъ во времена былыя,
Кто возвратилъ тебя, мой дорогой квирить,
Отецескимъ богамъ подъ небеса родныя?
Помпей, товарищъ мой, первѣйшій изъ друзей,
Съ кѣмъ часто долгій день виномъ мы коротали,
Въ вѣнкахъ, сирійскій весь растративши елей,
Которымъ волоса душистые сіяли!
Съ тобой я пережилъ Филиппы, при тебѣ
Бѣжалъ, безславно щить свой покидая въ страхѣ...
Въ тотъ день и мужество низвергнулось въ борьбѣ,
И грозные бойцы въ крови легли во прахѣ.
Но средь враговъ меня, въ туманъ сокрывъ густой,
Испуганнаго спасъ Меркурій быстроекрылый;
Тебя жъ въ сраженіе за новою волной,
Опять умчалъ приливъ неотразимой счлой.
Итакъ обѣщанный Зевесу пиръ устрой,
И отдыха ищи для членовъ утомленныхъ
Войною долгою, подъ лавръ склонившихъ мой—
Да не щади тебѣ бутылкѣ обреченныхъ.

Пушкинскій ямбъ можетъ смѣло поспорить съ „алкевой строфой“ римскаго оригинала по своей звучности и силѣ. Образы выдержаны въ точности; введеніе мальчика, прислуживающаго за пиромъ, способствуетъ лишь оживленію картины. Духъ піесы переданъ неподражаемо. Недаромъ Бѣлинскій отозвался о ней такъ восторженно: „Переводъ изъ Горація. говоритъ онъ. или оригинальное произведеніе Пушкина въ Гораціевомъ духѣ,—что бы ни была эта піеса.—только никто ни изъ старыхъ, ни изъ новыхъ русскихъ переводчиковъ и подражателей Горація не говорилъ такимъ Гораціанскимъ языкомъ и складомъ и такъ вѣрно не передавалъ индивидуальнаго характера Гораціанской поэзіи, какъ Пушкинъ въ этой піесѣ, къ тому же и написанной прекрасными стихами. Можно ли не слышать въ нихъ живого Горація?“ Ингересно также какъ понималъ Пушкинъ комическое изображеніе бѣгства поэта. Устами Петронія. главнаго дѣйствующаго лица въ отрывкѣ „Цесарь путешествовалъ“, куда вставлена и эта ода. онъ объясняетъ слова Горація желаніемъ хитраго стихотворца размѣшнить Августа и Мецената, чтобы не напомнить имъ о другомъ.

Перехожу къ послѣднимъ произведеніямъ Пушкина съ сюжетами изъ античнаго міра, двумъ его повѣстямъ, написаннымъ въ стихахъ и въ прозѣ. Исторія ихъ происхожденія слѣдующая. Какъ было сказано ранѣе, Пушкинъ еще въ Михайловскомъ занялся римской исторіей: онъ читалъ главнымъ образомъ Тацита—въ подлинникѣ или во французскомъ переводѣ, неизвѣстно—и слѣдомъ

Массійской влагою разымчивой щедрѣй
 Фіалы свѣтлые наполни, и смѣлѣе
 Изъ ёмкихъ раковинъ благоуханья лей.
 Кто позаботится достать плюща скорѣе,
 Иль мирта для вѣнковъ? Кого-то избереть
 Венера во главу пирующаго круга?
 Со мной теперь любой эдонецъ не сопьеть:
 Такъ сладко буйствовать при возвращеніи друга.

этого чтенія осталась интересная полемика съ „великимъ писателемъ, исполненнымъ политическихъ предразсудковъ“. какъ его называлъ Пушкинъ *). Но еще болѣе глубокие слѣды остались въ душѣ поэта: онъ такъ вошелъ въ эготъ языческій, уже отживающій міръ, что въ душѣ его явилась потребность воплотить отдѣльныя сложившіяся представленія въ цѣльной художественной картинѣ, подобно тому какъ это случилось съ „Капитанской дочкой“, плодомъ изученія исторіи Пугачевского бунта. По предположенію Анненкова, Пушкинъ задумалъ написать повѣсть изъ древняго быта. въ основу которой хотѣлъ положить изображеніе ложнаго представленія язычниковъ о смерти. т.-е. ту самую идею, которую развилъ потомъ А. Майковъ въ своей поэмѣ: „Три смерти“. Съ этою цѣлію онъ избралъ главнымъ героемъ повѣсти историческое лицо временъ Нерона — Петронія, который былъ поэтомъ и вмѣстѣ блестящимъ представителемъ своей эпохи и кончилъ жизнь самоубійствомъ, открывъ себѣ жилы **). Въ противовѣсъ этому представителю и выразителю языческаго міровоззрѣнія введенъ былъ въ программу повѣсти рабъ-христіанинъ. который, какъ говоритъ Анненковъ. долженъ былъ служить живымъ осужденіемъ равнодушія или упоенія, съ какимъ языческій міръ встрѣчалъ смерть, оскорбляя тѣмъ величество и значеніе ея, и живымъ опроверженіемъ потѣхъ язычества и лжемудрствованій его философовъ ***). Но повѣсть эта осталась лишь въ видѣ на-

---

*) См. „Замѣтки при чтеніи книгъ“ (1125). — Замѣчанія на Анналы Тацита.

**) Къ Петроній Арбитеръ, проконсулъ Виѣнниа, былъ долгое время другомъ Нерона, пока придворныя интриги не замѣшали его имя въ заговоръ Пизона; тогда онъ принялъ ядъ во время путешествія по Кампаніи, въ 66 г. по Р. X. Его считаютъ авторомъ нравоописательнаго романа *Satyricon*, написаннаго имъ въ стихахъ и въ прозѣ и прекрасно изображающаго типы современниковъ.

***) Анненковъ—389 стр.

чатаго отрывка, состоящаго изъ трехъ короткихъ главъ, съ подробной программой передъ второй главой, выполненной лишь въ одной ея трети. Отрывокъ начинается словами: «Цесарь путешествовалъ». Его содержаніе вкратцѣ слѣдующее: въ гл. 1 описывается путешествіе Нерона въ сопровожденіи Петронія и его друзей; Петронія обвиняютъ въ измѣнѣ; онъ рѣшаетъ покончить съ жизнію и останавливается въ Кумахъ Здѣсь (гл. 2) должны были по плану повѣсти быть изложены разсужденія о выборѣ рода смерти и философскія бесѣды: о Клеопатрѣ, о паденіи человѣка, о паденіи боговъ, общемъ безвѣріи, превращеніяхъ Нерона; въ концѣ долженъ былъ явиться рабъ-христіанинъ. Въмѣсто этого гл. 2 и 3 содержатъ описаніе нанятаго Петроніемъ дома, чувства его друга. огъ лица котораго ведется разсказъ, вмѣстѣ со вставкою двухъ піесъ Анакреонта: „Порѣдѣли, побѣдѣли“. „Узнаемъ ковей ретивыхъ“ и огрывкомъ изъ оды Горация со словъ: «Ты помнишь часъ ужасной битвы». Но и въ такомъ неоконченномъ видѣ отрывокъ этотъ вызываетъ невольное удивленіе особенно складомъ рѣчи, совершенно напоминающимъ Тацитовскую манеру. Прекрасно характеризуетъ эту необыкновенную переимчивость Пушкина Н. Страховъ въ книгѣ „Замѣтки о Пушкинѣ и о другихъ поэтахъ“: онъ говоритъ: „Лучше не разсказалъ бы самый лучшій римскій прозаикъ. Трудно разсмотрѣть даже внѣшніе приемы, при помощи которыхъ совершенно это чудо искусства — чуть-чуть замѣтные латинскіе обороты, плавность теченія, нѣсколько отвлеченныя, но совершенно точныя слова. Но главное дѣло, кажется, въ томъ внутреннемъ строѣ рѣчи, въ силу котораго ясность и краткость доведены здѣсь до высочайшей степени. Какъ просто и естественъ разсказъ, а между тѣмъ разсказано очень много, ни одно слово не пропало даромъ, и они такъ расположены, что картина какъ-будто развертывается сама“. Лучше и вѣрнѣе трудно было бы характеризовать слогъ самого Тацита.

Что заставило Пушкина бросить начатую имъ повѣсть, рѣшить трудно. но весьма вѣроятнымъ кажется предположеніе, что онъ опасался за судьбу своего произведенія: повѣсть изъ древней жизни да еще съ такимъ безнравственнымъ содержаніемъ могла прійтись совсѣмъ не по плечу чопорной и холодной публикѣ и возбудить общее недоумѣніе вмѣсто проникновенія и восхищенія ея красотами. Пушкинъ рѣшилъ приблизить избранный имъ сюжетъ къ пониманію современниковъ. введя поэтическое изображеніе древняго міра въ рамка текущей, окружающей жизни. У него явилась мысль сопоставить нравственный кодексъ древняго и современнаго общества: „изъ прогивоположности понятій, какая должна была сказаться между взглядомъ древнихъ на извѣстный предметъ и нынѣшними требованіями вкуса и приличій, онъ хотѣлъ извлечь сильный романическій эффектъ“. говорить Анненковъ. Въ этомъ отношеніи написанное имъ въ Михайловскомъ стихотвореніе „Чертогъ сіялъ“, въ которомъ во всей наготѣ выставлено „одряхлѣвшее язычество. утратившее всѣ вѣрованія. всѣ надежды. холодное къ жизни и все еще жаждущее наслажденій, за которое охотно платитъ жизнью, какъ будто жизнь дешевле денегъ“ *), — оказалось для него весьма кстати, и онъ сталъ подбирать и пробовать разные мотивы на эту тему. Въ результатъ его попытокъ явились между прочимъ: черновой набросокъ. сохранившійся въ бумагахъ поэта „Мы проводили вечеръ на дачѣ у княгинѣ Д...“ и отрывокъ „Несмотря на великія преимущества“. Въ первомъ наброскѣ изображенъ разговоръ въ великосвѣтскомъ кружкѣ на тему, „кто первая женщина въ свѣтѣ“; разговоръ какъ разъ обрывается тогда, когда заходитъ рѣчь о Клеопатрѣ; содержаніе второго отрывка составляетъ исчисленіе мнимыхъ преимуществъ,

---

*) Бѣлинскій: „Египетскія Ночи“.

на самомъ же дѣлѣ невыгодъ писателя. живущаго въ свѣтскомъ обществѣ, при чемъ нѣкоторыя подробности носятъ чисто автобіографическій характеръ. Такъ къ задуманной повѣсти мало по малу началъ присоединяться элементъ субъективный. Въ концѣ концовъ обѣ идеи ассоціировались, слились, и такимъ образомъ создались „Египетскія Ночи“. наполовину повѣсть въ прозѣ, наполовину поэма въ стихахъ. Cleopatra e i suoi amanti попала въ общество свѣтскаго писателя Чарскаго, вытѣснившаго Петронія, и заѣзжаго италіанца-композитора (на мѣсто поэта, друга Петронія); картина нравовъ изъ эпохи Цезарей вставилась въ рамки, изображающія аристократическое общество сѣверной Пальмиры съ египетскими отношеніями къ искусству. Такъ осуществилась первоначальная мысль поэта, зародившаяся еще въ 1825 году и претерпѣвшая столько измѣненій. Неудивительно поэтому, что „Египетскія Ночи“, несмотря на незначительность размѣровъ, оставляютъ въ читателѣ такое глубокое впечатлѣніе: „всѣ краски и всѣ очертанія этого произведенія, говоритъ Анненковъ *). необычайно глубоко продуманы, строжайше взвѣшены и оцѣнены предварительно и потомъ уже воспроизведены въ минуту вдохновенія, сообщившую всѣмъ имъ блескъ и свѣжесть перваго впечатлѣнія“. Но главный интересъ произведенія заключается, по моему мнѣнію, въ отношеніи его къ личной жизни поэта, въ томъ, что въ немъ Пушкинъ отразилъ свое нравственное состояніе за послѣдніе годы. Въ этомъ смыслѣ повѣсть прекрасно комментируетъ Н. Страховъ: „Въ „Египетскихъ Ночахъ“ Пушкинъ разбилъ самого себя на двѣ фигуры, на Чарскаго и на импровизатора. Онъ совмѣщалъ въ себѣ обѣ эти натуры и въ лицѣ импровизатора изобразилъ нѣкоторыя изъ тѣхъ страданій, которыя испытывала его поэтическая душа среди нашего общества... Разсказывая

---

*) Стр. 387.

о немъ, онъ въ образахъ показалъ, какъ должна была страдать эта частица его души, какъ общество подавляло свободное развитіе этой частицы“. При этомъ онъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ сцены импровизаціи:

„Импровизаторъ сошелъ съ подмостковъ держа въ рукахъ урну, и спросилъ: кому угодно будетъ вынуть тему? Импровизаторъ обвелъ умоляющимъ взоромъ первые ряды стульевъ. Ни одна изъ блестящихъ дамъ, тутъ сидѣвшихъ, не тронулась. *Импровизаторъ, не привыкшій къ сѣверному равнодушію, казался, страдалъ*“.

„Бѣдный Пушкинъ! заключаетъ критикъ: такъ и кажется. что онъ самъ все старался привыкнуть къ этому сѣверному равнодушію, и все не могъ къ нему привыкнуть. все страдалъ отъ него. Всѣ эти послѣдніе годы онъ старался себя успокоить, сдержать. затвориться въ своемъ внутреннемъ святилищѣ поэта; но его теплой душѣ очевидно не было да и не могло быть примиренія и успокоенія. Холодъ царилъ вокругъ него, нашъ сѣверный русскій холодъ; нѣжная душа поэта была не по климату, она сжималась и дрожала“.

Этой дивной лебединой пѣснью поэта закончимъ наше обзорѣніе. Подводя итоги сказанному. мы можемъ отношеніе Пушкина къ античной поэзіи представить въ слѣдующемъ видѣ. Пушкинъ вынесъ изъ семьи и изъ школы если не знаніе античной поэзіи. то извѣстнаго рода влеченіе и симпатію къ ней. и эту связь онъ не порывалъ до конца дней своихъ. Въ первые годы его поэтической дѣятельности вліяніе это выражалось *косвенно* въ блестящихъ и игривыхъ подражаніяхъ французамъ анакреонтикамъ, во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить *Парни*; но скоро *Батюшковъ* и *Шенье* ввели юнаго поэта въ студию античной поэзіи, сблизили, *породнили* его съ ней: первый передалъ ему красоту античной формы, второй раскрылъ передъ нимъ душу античной поэзіи.

Черезъ изученіе *Овидія* и *Тацита* Пушкинъ непосредственно ознакомился съ древнимъ міромъ: появленіе *Иліады* Гнѣдича пробудило въ немъ влеченіе къ эллинскому; онъ сталъ переводить или. правильнѣе, *перелажать чисто античныя піесы*; произведенія этого періода дышатъ дивной красотой и прелестью. спора достоинствомъ съ оригиналами. Въ послѣдніе годы, когда поэтъ сталъ постепенно переходить отъ лирики къ эпосу и драмѣ, отъ стиховъ къ прозѣ, онъ задумалъ создать цѣлую повѣсть изъ древней жизни, съ глубокой религиозно-философской идеей. сопоставивъ два основныя начала древняго и современнаго міра — азычество и христіанство — въ вопросѣ самой первой и существенной важности для челоѣчества — въ вопросѣ о тайнствѣ смерти. Сознвая. что общество еще не доросло до пониманія подобнаго рода произведеній. поэтъ сузилъ эту тему. ограничившись сопоставленіемъ двухъ міровъ въ менѣе возвышенной и болѣе доступной сферѣ общепринятой морали и приличій. Поживи нашъ Пушкинъ подольше, очень можетъ быть, что мы дождались бы отъ него и драмы въ древнемъ духѣ. на что указываетъ реестръ произведеній. который былъ найденъ въ его черновыхъ бумагахъ. относящихся ко времени пребыванія его въ Болдинѣ *). Теперь же мы имѣемъ отъ него въ этомъ родѣ поэзіи немногое. Однако это небольшое наслѣдство. оставленное геніальнымъ поэтомъ, сдѣлало то. что антологическая поэзія, прежде на Руси столь рѣдкая, послѣ Пушкина окончательно укоренилась и приобрѣла такое же право гражданства, какъ и другіе роды поэзіи. До Пушкина мы можемъ указать лишь на двухъ поэтовъ, которые дѣйствительно познакомили насъ съ духомъ древней классической литературы и переводами и оригинальными произведеніями, на Гнѣдича и

---

*) Анненковъ, стр. 276, приводитъ въ числѣ зарегистрированныхъ драмъ одну, носящую заглавіе: „Ромулъ и Ремъ“.

Батюшкова; послѣ Пушкина образовалась цѣлая школа поэтовъ-классиковъ. которые, руководствуясь указаніями своего великаго учителя, обогатили нашу литературу цѣнными мелкими и крупными вкладами въ эту область поэтическаго творчества. Достаточно назвать имена Майкова, Мея, Щербины и, наконецъ, Фета. Если этотъ родъ поэзіи тѣмъ не менѣе и доселѣ встрѣчаетъ мало цѣнителей и почитателей, то вина падаетъ не на поэтовъ, но на читателей: «произведенія въ древнемъ родѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Бѣлинскій, подобно камнямъ и обломкамъ барельефовъ, находимымъ въ Помпеѣ, могутъ услаждать вкусъ только глубокихъ цѣнителей искусства, приводить въ восторгъ только тонкихъ знатоковъ изящнаго; для толпы они недоступны».

С. Любомудровъ.

Отдѣльный оттискъ изъ *Лицейскаго Календаря* за 1899 г.